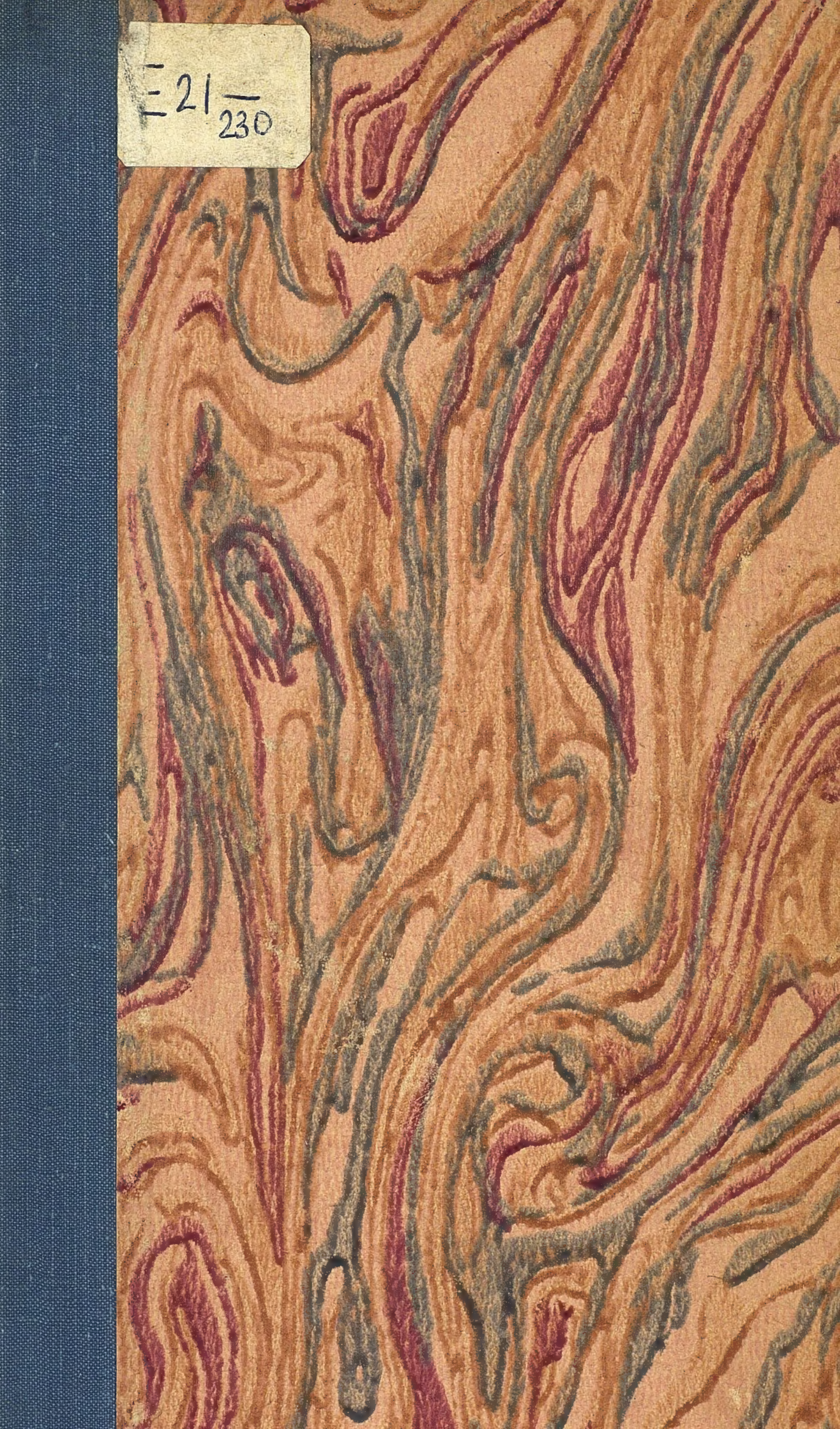

E21 —
230

Е21-230

АЛ. ВОРОБЬЕВ

ПРОЛЕТАР-СКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОЛЕТАРИЙ

E21-230

А. ВОРОБЬЕВ

РЕЛИГИЯ И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1923

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
№ 25076 1969 г.

Р.У.П. № 590. Кременчуг. Тираж 10.000 экземпл.

Гос. Обр. Типо-Лит. „Кремпечать“ им. Петровского.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В практике по антирелигиозной пропаганде на селе приходится встречаться рядовым коммунистам с большими затруднениями.

Нельзя сказать, что нет антирелигиозной литературы. Но она или недоступна по своей серьезности сельскому коммунисту, или не охватывает всего вопроса в целом. Между тем, на селе чувствуется потребность в простой книге, которая помогла бы работнику на селе ориентироваться в вопросах веры и дала-бы краткие ответы и о происхождении религии, и о победах науки над религией, и о доказательствах безнравственности религии, и о том, как Октябрьская революция отразилась на церкви, и о том, был ли Христос или нет?

С такой книгой сельский коммунист сможет приобрести те знания о религии, которые ему нужно иметь в теперешнюю горячую пору. С этими краткими знаниями он будет в состоянии повести беседы на селе и заставить селян подумать о религии и о ее вреде для них.

При составлении этой книги автор преследовал цель—дать сельскому коммунисту доступное пособие по вопросам религии и веры.

Автор.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Как религия возникла и развивалась?

Что такое религия? Каждый религиозный человек верит в то, что существует бог, который создал мир и управляет им. Отсталые народы верят в существование многих добрых и злых богов.

Человек и вся его жизнь, по учению религии, зависят от бога или богов. Религиозные люди верят, что они могут и должны обращаться к богу или богам и, молясь им, избавляться от всех бед и напастей. Религия учит, что человек имеет душу и, что, когда человек умирает, душа его продолжает существовать за гробом, „на том свете". Чтобы лучше сноситься с богами, люди во всех уголках земного шара воздвигли храмы; каждый день миллионы людей под руководством жрецов или священников возносят свои моления богам. В этих храмах жрецы приносят жертвы богу, облачаясь в золотые одежды; горят там свечи и масло, из молитв и песнопений сложились целые службы церковные (утреня, обедня, всенощная и т. п.), возносится к высшему небесному существу дым от горящего ладана. Вся эта торжественная обстановка, все эти молитвы, песнопения и богослужение составляют обрядную сторону религии или *ее культ.*

Как марксизм об'ясняет религию? По верованиям религиозных людей все священные книги написаны святыми людьми, пророками и апостолами по внушению божественной силы, а все обряды и молитвы, составляющие культ религии, суть блага „свыше" для бедных и слабых людей.

Наука и пролетарская революция выдвинули совершенно другой взгляд на религию и религиозность. „Человек творит религию и создает богов, а не наоборот".

„Это государство, это общество производят религию". Эти мысли высказал Карл Маркс. Его друг Фридрих Энгельс так говорит о религии: „Все религии являются ничем иным, как фантастическим отражением в сознании людей тех внешних сил, которые господствуют над их повседневным существованием". Таким образом, силы земли в представлении

неразвитого человека получают небесные сверх‘естественные свойства. Революционный пролетариат воспринял это учение Маркса и смело говорит отживающему старому миру:

„Не бог создал человека, а человек выдумал бога!“.

Как возникло представление о сверх‘естественных силах?

Уменье человека обеспечить себя всем необходимым, религиозные люди приписывают помощи милосердного бога. Не сами люди сумели бороться за свое существование, а сверх‘естественные „божеские“ силы помогали им трудиться и жить.

— „Ни один волос не упадет с головы помимо воли бога“,—так говорит „священное писание“.

Первобытный человек, когда только руки, ноги и зубы служили ему, совсем и не думал о сверх‘естественных силах, которые помогали бы ему в его борьбе за существование. На протяжении многих тысячелетий у людей накопился опыт—трудовые навыки. Каждое поколение понемногу прибавляло к сокровищнице опыта, делая человека все сильней и сильней. Таким образом, если человек и может обеспечивать себя всем необходимым, то это отнюдь нельзя об‘яснить помощью бога и его сверх‘естественных сил. Этого не сознавали наши предки, не сознают многие и в нашем поколении, и там, где передовые мыслители видят результат опыта тяжелых трудов, добытого на протяжении многих тысячелетий, неразвитые люди думают, что им помогают во всех делах сверх‘естественные силы. Какие яркие противоположности: несознательная часть крестьянства ставит свечки богу и святым его за хороший урожай, сознательный же человек не станет молиться ученым Менделееву, Либиху и другим, которые в своих трудах оставили ценные советы, как лучше обрабатывать землю!

Форма религии зависит от того, как устроена жизнь людей.

Если бы религия была дана нам богом, то она оставалась бы вечно-неизменной, потому что „священное писание“ говорит, что бог—существо без начала и конца, никогда не рождался и никогда не умрет. В действительности же мы видим совсем иное: как жизнь постоянно изменяется, так и религия изменяется вслед за нею.

Первобытный человек совсем по другому думал о боге и верил в него, чем это делает современный религиозный человек. Религиозные представления христиан, магометан, евреев в настоящее время иные, чем сто, двести лет тому назад.

Почему у людей возникло представление о душе и, как установила наука, началось при патриархально-родовом строе поклонение душам умерших предков-патриархов?

Когда люди стали жить родовыми общинами, имевшими сотни членов, тогда в силу необходимости появились руководители общин—старейшие ее члены—патриархи. В жизни появились начала господства и подчинения. Члены общины видели, что без патриарха, как руководителя, не могла существовать община. С тех пор люди первобытных времен на все вещи и предметы, на явления природы и на самих себя стали смотреть, как на состоящие из видимой телесной оболочки (подчиненной) и невидимой души (повелителя). Представление о душе удержалось у большинства людей и до настоящего времени. Первыми богами людей были души умерших патриархов.

Когда люди жили многочисленными племенами, враждовавшими между собою, то и религия была основана на вере во многих богов, тоже враждовавших между собою.

При об'единении племен в мощные государства, во главе которых появились неограниченные повелители—цари, и религия предоставила небесный трон неограниченному самодержцу—единому богу.

В государстве у царя есть приближенные к нему министры, под началом министров—губернаторы, под губернаторами—градоначальники и т. д. Что же мы видим в небесном „царствии"? Бога—царя, апостолов—министров, архистратига—главнокомандующего, архангелов, ангелов, святителей, преподобных и т. д. Небесное царство вполне похоже на земное царство.

В классовом обществе непрерывно кипит классовая борьба: рабочие хотят свергнуть капитал с его трона. Заглянем в небесное царство,—и там вельзевул с подчиненными ему чертями ведут борьбу против бога, ангелов и святых.

Таким образом, мы имеем полное право сказать, что человек сам выдумал бога, и его религиозные представления—полное отражение того общественного строя, при котором он живет, и с изменением которого меняется и религия.

* * *

О духах. Богатый материал о первых моментах развития представлений о духах и богах дают нам наблюдения над жизнью современных нам дикарей, на которых были похожи наши предки. Мы уже говорили, что основной причиной возникновения представления о духах является факт господства и подчинения в первобытном обществе. Дикарь сознает, что он *может* умереть, но что ему *придется* умереть в силу законов природы,—это недоступно его пониманию. Смерть, *как естественное явление,* для него необычайна.

Наблюдая, как из умирающего человека или животного течет кровь, как прекращается дыхание, и как человек становится неподвижным, дикарь думает, что вместе с кровью и дыханием из живого существа выходит что-то, и это что-то он называет душой. Существование души подтверждается для дикаря сновидениями и столбняком; тогда он думает, что душа временно покидает тело и странствует, где ей вздумается. Один исследователь, беседуя с негром, услыхал от него следующее об'яснение сновидения: „И все же это так, потому что часто, когда я сплю, я иду в далекую страну, вижу других людей, вижу даже тех, которые давно мертвы, и говорю с ними“.

Когда кто-либо умирает, то дикари думают, что, может быть, душа вернется к телу и их товарищ снова будет жить. Для этого они сажают трупы на деревьях, кладут около них пищу, может быть, душа, странствуя, проголодавшись, прилетит и влетит в тело. Так как трупы скоро портились, то душе не представлялось возможным войти в тело, и вот дикари коптят трупы, чтобы они подольше сохранились; авось, душа соскучится и прилетит. Так поступали и наши предки.

Определяя место души в теле, дикари думали, что она помещается в крови, или в груди, или в голове, или в сердце. В настоящее время есть чудаки, среди них и образованные, которые представляют себе душу в виде приведения, состоящего из тончайшего тумана, их называют спиритами. Недалеко же они, бедные, ушли от дикарей!

Постепенно представление о душе усложнялось. Дикари начали различать душу, сидящую в живом теле, и душу, блуждающую после смерти человека. Некоторые племена дикарей душу первого рода называют „мари“, второго рода душу—„каи“.

Эти верования в духов дали толчок к созданию заклинаний, силой которых дикари думали или изгонять души из своих врагов, или излавливать их для своих умерших приятелей. Много людей умирало. Куда же девались их души? Воображение дикарей создало потусторонний мир, назвав его царством духов. Верующие люди настоящего времени представляют себе душу несколько тоньше: под душой они понимают способность человека к мышлению и чувствованию. Может быть в том, что они тоньше и сложнее думают о душе, чем дикарь и первобытный человек, можно найти некоторое утешение: все-таки, выше дикаря! Но, как дикарь, так и современный религиозный человек, верят в одно, а именно—что душа существует.

Как люди начали поклоняться духам предков?

Первобытный человек думал, что, если духов не кормить, они погибнут с голоду. Это заставило его приносить жертвы духам предков в виде той или иной пищи, которую он оставлял на могилах. Добрые духи, по мысли дикаря, помогают ему; злые строят всякие пакости. Значит, нужно первых отблагодарить, а вторых умилостивить. В этом отношении любопытно отметить, что дикарь, принося жертвы, делает это не даром. Вот пример призыва дикаря к духу: „Великая змея, прародитель, явись сюда! Воззри на эту жертвенную свинью. Ешь подобающую тебе часть и помоги нам в борьбе против врагов наших. Из тех свиней, которых мы добудем, мы принесем тебе жертву“.

С развитием и углублением представлений о духах, их стали высоко чтить. Появились особые специалисты по обращению с молитвами и заклинаниями к ним (колдуны, кудесники, жрецы).

Занимаясь специально этим делом, они все больше и больше выделялись из массы. Их начали почитать, как людей, особо близко стоящих к духам и умеющих подойти к ним. Заболеет дикарь, и думают, что это злой дух посетил его. Кто же сможет изгнать этого духа, если не колдун? Нужно навести на врага недуг,—опять дикарь обращается к колдуну, а колдун приклеивает к кукле волосы врага просителя, сжигает ее, и таким способом наводит болезнь на кого нужно.

Как от почитания духов перешли к почитанию богов племени?

Чем дольше жил род, или племя, тем все больше и больше стиралась память о предке рода, как об обыкновенном человеке. Чтобы отличить один род от другого рода, наши предки называли каждый род именем того или иного животного, или растения: род быка, род вороны, род ящерицы и т. д. *). Каждый человек носил имя своего рода.

Благодаря этому мужчина какого либо рода не мог согрешить против закона, запрещающего вступать в брак с женщиной своего рода; а каждая женщина, переходя в другой род, продолжала носить имя своего рода.

Чем больше забывали члены рода о родоначальнике, тем все фантастичнее становились рассказы о нем. Он превращался в представлении членов рода в получеловека, полуживотное с необыкновенной силой, и его уже начинали чтить не только, как духа, но и как родового бога. Этот родовой

*) Такого рода явление называется *тотемизмом* (имя животного—тотем).

бог начинал носить имя рода, и, смотря по тому, как назывался какой-либо род, члены рода считали, что их предок произошел от животного (необычайного животного), имя которого носит род.

Этим об'ясняется, почему родовые, или племенные боги имеют вид полуживотных, полулюдей. Для примера приведем одно любопытное сказание одного австралийского племени. Раз ворона увидела предка этого племени—получеловека, и решила сделать из него целого человека. Расклевала она тело предка, придала его телу форму тела человека и полетела за древним каменным ножом, чтобы совершить обрезание родового бога. Пока она летала, две большие ящерицы своими острыми языками оцарапали детородный член племенного бога и уползли в нору. Прилетела ворона, да поздно; пришлось, не солоно хлебавши, лететь обратно в свое гнездо. Перекрестные браки связывали роды в племена, и мы видим, как в представлении людей племенной бог начинает выделяться из родовых богов, главенствуя над ними. Племенной бог—великий прародитель племени *с сыновьями—предками родов племени*. Под этим вторым слоем родовых богов располагаются целые полчища духов предков более позднего и раннего происхождения. Для иллюстрации приведем название этих ступеней богов, встречающихся у одного из австралийских племен. Прародитель называется—*инденгеи*; второй слой предки родов—*калау-леву* (великие духи предков), изображаются они в виде: ястреба, курицы, акулы, угря и т. д.; третий слой полчищ духов, рангом повыше, называется просто *калау*, а младшие из них—*калау-ялу*.

Души недавно умерших членов племени разделяются на добрых и злых духов.

Вот какова религия людей, когда они живут родовым строем, и когда роды начиняют об'единяться в племена. Из простой веры в существование духов она обратилась в сложную систему родовых и племенных богов. Конечно, такое изменение религии не есть результат действия сверх'естественных, божественных сил; оно есть результат изменившейся жизни, ставшей гораздо более сложной, чем была раньше.

Описанная нами система религии господствует у племен, живущих на островах южной части Великого океана. Чтобы еще резче подчеркнуть зависимость форм религии от общественного строя, мы укажем на религию пастушеских племен Америки и Африки. Там не наблюдается прочного об'единения родов в племена, поэтому в их религии мы не видим племенных богов. Тяжелая, необеспеченная жизнь этих дикарей

порождает между ними вечные ссоры. В их религии мы наблюдаем пессимизм*) и страшную мстительность вечно воюющих между собою богов. У племен, населяющих южную часть Великого океана, мы видим женщин—богов. Это об'ясняется значением женщины в общественных отношениях этих племен. В их общинах, у дикарей Америки и Африки, роль женщины очень мала; богов—женщин у них нет.

Как религии об'ясняют сотворение мира?

К тому моменту, когда возникают религии племенных и родовых богов, мысль человека начинает приписывать сотворение мира своим богам. Сначала, когда властителями дум человека были родовые боги, сотворение мира приписывалось им; когда же родовые боги были оттеснены на второй план племенными богами, племенной бог становится „творцом мира“. Дикарь еще не додумался до сотворения мира из „ничего“. Родовые боги и племенные только преобразовывают уже имеющуюся материю, работая над ней в поте лица. Чем сложнее делалась жизнь, тем сложнее стали представления о сотворении мира. Мифы сказания о сотворении мира, у племен живущих на островах, иные, чем у племен, живущих на суше.

Приведем примеры:

Вначале, так повествует миф, было море, над морем небесный свод. На небе был бог племени со своими детьми. Посылает он свою дочь, которая приняла вид птицы ржанки, посмотреть, появилась ли земля. Три раза посылал он ее, и все птица ржанка не видела земли. Рассердился бог и сбросил в море огромный осколок скалы с неба. Посылает опять свою дочь с вьющимся растением, приказав посадить его. У корней этого растения, в иле, зародились клещи—пауки, а от них и пошел весь род земной.

С развитием мифов, люди начали делить сотворение мира на два периода: период мысли и период дела. В одном из позднейших мифов это изображается так:

— Из восприятья, умножаясь,
Начинает мысль расти,
Из мыслей—воспоминанье,
Из воспоминания—сознание,
Из сознания—желанье.

Дальше начинается изображение периода дел бога.

Теперь приведем миф племени, живущего на суше.

Сначала земля была иссохшей пустыней, охраняемой драконом. Потом спустился с неба предок племени и убил

*) Те, кто мрачно смотрят на жизнь, называются пессимистами.

дракона. Кровь его оплодотворила землю, и выросли в пустыне роскошные растения. После этого бог племени сделал солнце, луну и звезды. Поднявшись на небо, сделал там мужчину и спустил на землю, а женщина вышла из земли. Когда первая пара проявила непослушание, бог их выселил в пустыню и по усиленным их просьбам спустил на землю коров, ослов, быков и козлов, и только после вторичных усиленных молений велел овце свалиться на землю.

Предки живущих теперь народов создали бесчисленное множество мифов о сотворении мира. Эти мифы соединялись между собою и образовался тип смешанных мифов. Одним из таких мифов и является библейский миф, к которому с таким уважением относятся религиозные люди. Библейское сказание о сотворении мира встречается в двух видах. Первый рассказ представляется в таком виде. В первый день „земля же была пустынной первобытной водной гладью“, и „тьма висела на океане“. Откуда же в первый день взялся океан, если он, по рассказу, создан лишь в третий день, когда бог отделил сушу от воды и назвал сушу землей, а воды морем? Да и вообще только во второй день бог отделил земные воды от вод вверху. Кроме того, как земля могла быть в первый день, когда она, по рассказу, сотворена только в третий день? В первый же день бог отделил свет от тьмы, и только в четвертый создал солнце, луну и звезды. Как же это понять? По нашему выходит, что как будто солнце бог создавал дважды. Об‘яснить это можно тем, что племена, создавшие этот миф, думали, что дневной свет не зависит от солнечного света, потому что они видели свет утром и вечером, когда солнце за горизонтом. Тем фактом, что земля была водной гладью, об‘ясняется более раннее создание животных, живущих в воде, чем создание птиц и животных наземных. Ясно, конечно, что такой миф могли создать только племена, живущие у моря. Второй рассказ о сотворении мира и противоречит первому рассказу, и сам полон противоречий. В первом рассказе бог носит имя „Элогим“, что значит в переводе „много духов“. Во втором рассказе бог называется Ягу-Элогим. Слово Ягу, или Ягуда близок по корню к слову Иуды, или Иегуды, которым называлось одно еврейское племя. Так что, первоначально Ягу понимался, как бог племени Иуды, а не единым, для всего мира всемогущим богом.

Содержание второго рассказа таково: когда бог создал небо и землю, ни кустарника, ни полевой травы не было на земле, ибо она была пустыней, и только после того, как масса воды вырвалась из земли и оросила ее, бог создал

человека, разнообразных животных, птиц и жену из ребра человека. „Водных животных этот миф вообще не знает“, говорит Кунов, автор серьезной работы о религии. Такой миф мог произойти только среди племен, живущих в пустынных, далеких от моря и бедных водою местах. Эти два мифа были соединены в один, и религиозные люди, читая сказание „священного писания“ о сотворении мира великим богом, умилялись и умиляются и сейчас.

Сначала мы читаем: „В начале бог сотворил небо и землю“, а потом священное писание повествует, что земля была пуста и пустынна, представляла хаос. Почему же бог только в три приема создал упорядоченную землю? Кроме того по смыслу рассказа выходит, что хаоса бог не творил, что из хаоса он только создал мир. В конце сказания читаем, что в седьмой день бог почил от дел и стал отдыхать. Неужели он так устал, сказавши семь слов, будучи всемогущим? Отсюда следует, что в первоначальном виде этот миф рисовал бога, как труженика, и только позднейшие вставки обратили его в могущественного повелителя. Только новые составители сшили переделанный ими рассказ белыми нитками, которые и обнаружились при свете знания.

Небо и ад по религиозным верованиям.

Человек, веря в духов, переносит свои свойства на них. Поэтому, когда души улетают из тела, они находят себе место для спокойного житья. Это место в представлении человека периода родового быта и было зачатком мысли о том свете, с подразделением на небо и ад. Души военачальников, по верованиям людей, помещались в более лучших местах, души храбрых занимали места среднего достоинства, а души людей, ничем себя при жизни не проявивших, занимали самые гиблые места „того света“. Здесь мы видим уже дальнейшее развитие религиозных верований в потусторонний мир. Дикари, считая, что души на том свете голодают, молясь им, приносили жертвы и считали, что они их спасают от голода. Постепенно о душах давно умерших людей забывали.

Любопытно, что и тогда уже люди верили, что при входе в потусторонний мир находится злой дух, который, улавливая зазевавшихся, пожирал их; уже и в те времена мы видим у людей веру в то, что прежде, чем добраться до места упокоения, душа должна была пройти ряд испытательных отделений.

Когда религия переживала стадию родовых и племенных богов, она уже изображала довольно сложную картину небесного царства.

Первоначально идея воздаяния не существовала. Добрый ли, злой был человек, это не имело значения. Каждый занимал места в небесном царстве, в соответствии с тем, кем он был во время земной жизни, и только в более поздние времена возникла и развилась идея воздаяния.

Каков был культ религии племенных богов.

Когда общественный строй находил свое выражение в роде и племени, труд людей был еще слаб, развитие жизни шло очень медленно. Те навыки в труде, которые были добыты опытом предков в течение тысячелетий, составляли обычаи. Эти обычаи, указывавшие, как жить и трудиться, свято хранились родовыми общинами. На обычаи смотрели, как на заветы родовых и племенных богов. Только после длительных изменений жизни менялись эти обычаи, оставаясь по прежнему законами, данными от предков-богов.

Одним из широко распространенных обычаев было обрезание. Членом рода мог быть только достигший половой зрелости. Таким образом, момент вступления в члены рода ознаменовывался актом обрезания. Этим обычаем как бы освящался союз члена рода с богом-предком. В этом обычае выразилось кровное братство нового члена рода со всеми остальными членами рода. Как будто бы в библии, священном писании, дарованном от премудрого единого бога не должно бы быть и речи об этом обычае? Оказывается, что есть одно место, весьма характерное в этом отношении. Моисей не совершил обрезания и этим прогневал бога: бог хотел убить Моисея. Но в тот момент, когда бог приблизился к спящему Моисею, Сенфора, жена Моисея, быстро совершила обрезание Моисея и кровью его коснулась детородного члена бога. Благодаря этому Моисей сделался кровным братом бога, и все дело кончилось благополучно. О чем говорит это место в священном писании? Священное писание не внушено свыше от бога, а создано самими людьми. Когда евреи верили в богов племени, они и создали рассказ об этом обычае.

Почитая души умерших, человек родовых времен неуклонно выполнял обряды погребения. Он ставил стражу около умершего, торжественно нес покойника к приготовленной могиле. Веря, что душа обретается в черепе, он долго хранит его в память умершего.

Родовые боги, как мы уже знаем, имели вид тех или иных животных. К этим животным относились с глубоким почтением, и не только не убивали их для еды, но и не уничтожали того, чем питались эти животные. Это явление

называется „табу“. Нарушение „табу“ считалось величайшим грехом. Только голод заставлял людей частично нарушать это правило. Бога-предка изображали в виде животного и приносили ему жертвы, оставляя пищу в укромных местах, или кропя кровью жертвенного животного и своею его изображение. В позднейших стадиях развития религии человек сжигал свои жертвы перед идолом. Картины жертвоприношений богу, выразившихся в убивании и сжигании животных, и даже людей, мы в изобилии встречаем в библии.

При перемене образа жизни меняется то животное, в котором воплощается бог. Так, рыбаки, переходя к земледелию, меняют вид своего бога-рыбу на другое животное.

Развитие бога предка в бога природы.

Наши предки, обращаясь с молениями и жертвоприношениями к родовым, племенным богам и к богу своей семьи, просили их помочь найти им пропитание. Пищу они добывали среди окружающей их природы. Поэтому деятельность их богов выражалась в том, что боги давали такое направление силам природы, которое обеспечивало им хорошую добычу пищи. Там, где солнце палило нещадно, боги заставляли силы природы давать дожди; там, где разливы рек орошали поля, боги старались о том, чтобы разливы были большие и т. д. Соответственно с этим родовые боги, смотря по тому, в чем выражалась их деятельность, получали названия: лучезарного, сияющего, пламенного, возбуждающего плодовитость, бога ревущего, буйствующего, сгоняющего и взрывающего облака, взрывающего моря, свистящего, разрушающего и т. д. Вслед за этими названиями бог, дающий свет, начал изображаться в виде солнечного диска, окруженного плодами и орудиями земледельческого труда; бог, дающий дождь, изображался в виде радуги с водяными растениями и зигзагами молний. Таким образом, понемногу и постепенно боги-предки обращались в богов, олицетворяющих силы природы.

В то время, когда испанцы покорили племя инков в Перу, религия инков как раз переживала период перехода от культа богов предков к культу богов природы. Племенной бог рисуется в их воображении властным творцом мира. Прежде же он был общим предком всех родов племени инков. Чрезвычайно характерны две молитвы инков, произносимые на празднике очищения.

Первая молитва:

Всетворец и всесоздатель,
Ты, первопричина всего бытия,
Вездесущий творец,

Не имеющий подобных себе
До пределов земли,
Творец мужчины и женщины,
Всем жизнь даровавший,
Охрани нас во всякое время
И полными здоровья;
В мире, без опасностей
Дай нам скончать жизнь,
Дарованную нам тобой.
Ты, обитающий на высотах,
В глухих раскатах грома
И в облаках бурного вихря,—
Услыши нас и даруй нам
Жизнь, полную радостей.
Охрани нас твоим покровительством
И прийми настоящую жертву
С благоволением и милостью,
Великий *отец*—сотворитель.

Вторая молитва:

Ты, все создавший, всесильный творец,
Все сохраняющий *вседержитель,*
Даруй нам, людям, твое благоволение,
Вели умножаться нашим стадам,
Защити нашу деревенскую общину,
Чтобы она процветала в мире и спокойствии,
И нас, созданных тобою,
Возьми нас *под твой сильный покров,*
Ты, одушевляющий землю!

Весьма поучительно сравнение этих молитв с молитвами христианской религии, которое определенно говорит в пользу родства *всех* религий.

Культ религии инков приобрел уже в процессе развития сложные формы. Племя инков, покоряя другие племена, заставляло эти племена чтить своих четырех главных богов: войны, солнца, луны и молнии-грома. Таким образом религия инков простиралась на большую часть Перу, обращаясь из религии племени в религию целой области. Разбор праздников культа древне-перуанской религии покажет нам в ней ясные следы религии, чтущей богов-предков.

В праздник солнца жрецы сжигали часть жертвенного мяса лам пред богом творцом, богом солнца и богом, посылающим гром—молнию, обращаясь с молением к ним. В праздник посева опять преклонялись пред статуями бога творца

и указанных четырех богов. Существование этих пяти богов ясно указывает на то, что когда-то они были родовыми богами. Характерен в этом отношении праздник возобновления союза с богами, когда частью жертвенной крови кропили хлеб, и этот кровавый хлеб вкушали участники празднества. В этом празднестве ясно видны следы религии предков: племя инков заключает родовой союз, союз крови со своим богом.

Весьма поучительно этот обряд сравнить с таинством причащения христианской религии.

Если мы возьмем для примера еще религии египтян и древних вавилонян, то заметим то же самое, что и в разобранной нами древне-перуанской религии. Вначале боги этих народов изображались в виде животных—крокодила, быка, шакала и т. д., и считались богами—предками; потом они обращаются в полуживотных, полулюдей, а позднее у них на теле остаются только части тела животных: рога, перья и т. д.

Религию греков многие считают исключительно религией природы, но исследования греческих народных словесных произведений, „Илиады" и „Одиссеи", убеждают нас в другом. Вот маленький отрывок из песни XIV „Илиады":

...и копье разорвало утробу,
Выйдя насквозь, и тогда *через отверстие зияющей раны*
Быстро умчалась душа, и глаза его мраком покрылись.

Судя по этому открывку, определенно можно утверждать, что когда-то греки верили в душу, как горячий пар, выходящий из крови. Работы, разбирающие древние формы религии греков, тоже раскрывают, что, когда греки жили родами, и эти роды об'единялись в племена, греки чтили своих предков рода и племени, как богов. В этом отношении показательно также, что Зевс имел священную птицу—орла, Гера—павлина, а Посейдон—лошадь. Возможно, что на той ступени, когда они были родовыми богами, они имели вид: орла, павлина, лошади и т. д.

Анализ культа индийской религии еще раз убеждает нас в правильности выдвинутых нами положений. Индийская религия имеет знаменитые гимны „Риг-веды". Следы веры в духов предков мы видим в таком отрывке:

Восстаньте вы, самые древние, средние и последние отцы,
Отошедшие в царство духов, —
. . . .
. . . . услышьте наши призывы.

В индийской религии высоко чтится единый бог Индра, олицетворяющий величайшую силу природы—солнце. Но в более

древние времена он был не таким. Об этом говорят нам гимны Ригведы.

Отрывок: „Спасенье нам даешь ты, *царь племени!*" повествует о том времени, когда Индру почитали, как царя племени.

Потом он обратился в бога войны. В одном месте Ригведы Индра говорит:

Ко мне взывают борцы, всадники – герои,
Ко мне в свалке сражений взывают войска.
Я направляю сраженья,—я, Индра, герой,
Направляю толпы могучей властью.

На этой стадии развития религии Индра воплощается в „великолепнейшего из быков".

Когда в Индии земледелие стало важнее скотоводства,— и бог Индра меняется. Он обращается в бога—солнца и, запрягая в колесницу пару рыжих коней, возит солнце по шатру неба. Любит бог Индра, катаясь с солнцем, весьма основательно выпить: восьмая книга Риг-веды повествует, что бог Индра сразу может выпить тридцать боченков вина.

Когда земледельцы обратились в рабов, и в Индии общественный строй стал кастовым, бог Индра превратился из милосердного народного бога солнца—в бога Браму касты жрецов.

Все исследования развития религий дают нам неопровержимые доводы в пользу взгляда марксизма: „все развитие религии идет по одинаковым закономерным путям,—представляет не свободную игру фантазии, а мысленный осадок определенных жизненных отношений" (Кунов).

Еще несколько примеров, подтверждающих мнение марксистов о развитии религии.

Когда образовалось Вавилонское царство с самодержцем царем во главе, то бог племени-победителя Мардук обратился в единого бога, боги же других племен стали лишь проявлением божественной силы Мардука: Ниниб—Мардук силы, Нергал—Мардук битвы и т. д. Мардук в молитвах изображается, как „Господь, владыка богов", „единый, могучий, решающий судьбы земли и неба" и т. д.

Когда в Индии окончательно установился кастовый строй, религия грозит страшными наказаниями за смешение каст. Человек низшей касты „нечистых" не смел подойти к брамину на сто шагов. Религия утешает низших тем, что, если они на земле будут примиряться со своим положением, то на том свете попадут в дворяне, а, может быть, и в брамины. Отражение общественного строя в религии здесь ясней ясного.

Пример православной христианской религии, отражающей общественный строй царской России, мы уже привели.

Энгельс, указывая на тот момент, когда создалась Римская империя, и явилась потребность в единой религии для всех народов Империи, говорит о неудачной попытке римского императора создать такую религию: „Новая мировая религия не может создаваться императорскими декретами". Такая мировая религия возникла естественным путем в форме христианской религии. Подробно о возникновении христанства мы скажем в III-ьей главе.

Пути развития религии в средние века и новое время.

Разбирая развитие религии в средние века и новое время, мы опять убеждаемся в правильности воззрений марксизма о религии. Главную роль во всей жизни, в период существования феодального строя, играла католическая религия. (В России православно-христинская). Этим об'ясняется, что все общественные движения почти до конца XVIII века имели религиозную окраску. Возникающий класс торговой буржуазии, поднимая борьбу против феодалов-землевладельцев, выбрасывал лозунги обновления религии, испорченной феодальным католицизмом, (в России православным духовенством). Тот факт, что ереси, несмотря на жестокие преследования, распространялись все больше и больше, показывает рост силы буржуазии, историческую необходимость возникновения и развития капиталистического строя на смену феодализму.

Во время великой французской революции буржуазия вступила в период своего совершеннолетия. Впереди был расцвет ее могущества и славы. Молодость—революционна; и буржуазия в конце XVIII века навела стрелы своей сокрушающей критики против бога феодального католицизма. Казалось бы, что при дальнейшем своем развитии буржуазия должна была совсем отвергнуть бога и не держаться за религию, но случилось совершенно иное.

Когда пролетариат развился и начал свою борьбу с буржуазией, она снова уцепилась за бога, поддерживая христианскую религию, и христианство „утратило способность на будущее время служить идеологическим покровом для стремлений какого либо прогрессивного класса, оно все более и более превращалось в монополию господствующих классов, обративши его просто в орудие управления, с помощью которого сдерживаются низшие классы... При этом совершенно безразлично, веруют эти господа, или нет в ту религию, которую они оффициально исповедуют (Энгельс). Это одна

причина религиозности буржуазии. Другая причина та, что при капиталистическом строе, вследствие анархичности его, класс буржуазии, несмотря на свое могущество, не может управлять общественными отношениями, которые складываются стихийно, сами собой; они образуют социальные силы, господствующие над буржуа, как природные силы господствуют над дикарем. Буржуа может разориться, положение его неустойчиво; помимо его воли разражаются промышленные кризисы. Это и служит второй причиной религиозности буржуа.

Откровенные буржуа прямо указывают на религию, как на орудие усмирения бедноты. Голландский профессор Штейнлеетц прямо говорит: „Главное преимущество церквей, как они есть, заключается в том, что они делают граждан, и прежде всего бедняков, послушными из страха пред божескими наказаниями и в надежде на вечную жизнь“.

Крестьянские массы радуют буржуазию своей религиозностью, тогда как пролетариат приводит ее в отчаяние полным равнодушием к религии и к богу.

Религиозность крестьянина об‘ясняется тем, что при обработке земли крестьянин находится в полной зависимости от непонятных для него сил и случайных явлений природы. Глеб Успенский говорит, что природа „учит его признавать власть, и притом власть бесконтрольную, своебразную, капризно-прихотливую и бездушно-жестокую“. Крестьянин „умеет терпеть, терпеть, не думая, не об‘ясняя, терпеть беспрекословно... Решительно нет возможности определить тому терпению более, или менее точного предела“. „Природа, ее случайности для него „сосредоточиваются в боге“. Он верит в бога „крепко, непоколебимо“, „ощущает его близость почти до осязания“. Крестьянин Иван Ермолаевич учит своего сына: „Верую во Единого Бога Отца и в небо и в землю. Видимо—невидимо, слышимо—неслышимо“.

Буржуа поневоле думает о боге, ибо он один из многих тысяч осыпан золотом, несмотря на его лодырничество. У пролетария нет счастливых случайностей, как у буржуа, ибо, если он не поработает, то подохнет с голоду: бог ему не поможет.

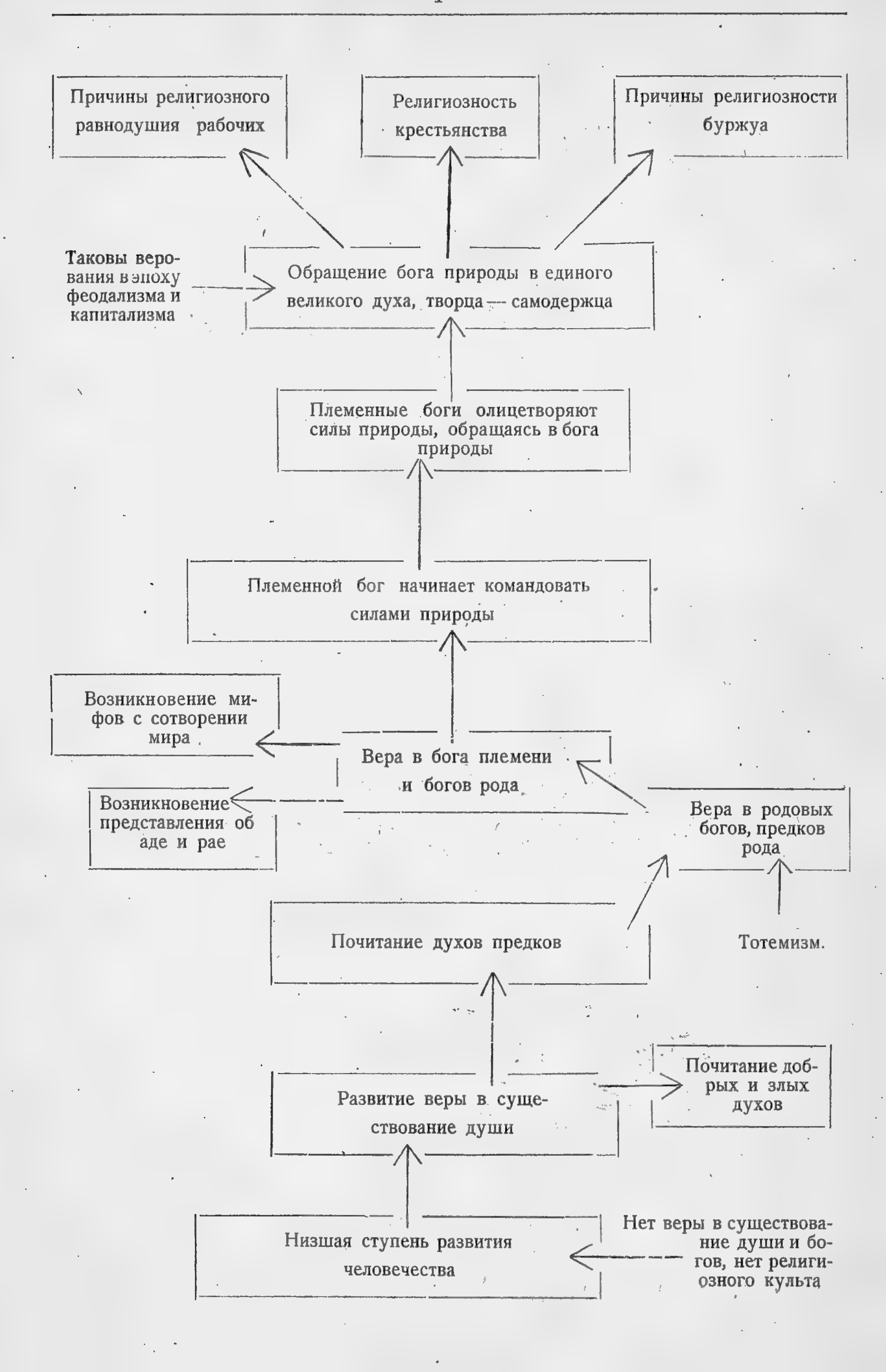
Буржуа, как и пролетарий, не могут разобраться в законах развития капиталистического строя,—это предрасполагает буржуа к вере в провидение, ибо он деятельно управляет производством, тогда как пролетарию достается только пассивная роль—отдать свой труд.

Пролетарий далек от лона природы. „Солнышко он видит только сквозь закоптелое окно завода; на работе его не ска-

зывается влияние капризных сил природы. Поэтому он и не верит, как крестьянин, в духов, ведьм и колдовство.

На фабриках и заводах пролетарий видит, как знанием человек держит в узде мощные силы природы. Он видит там такие чудеса, какие крестьянину и во сне не снились,—это создает у пролетария веру в могущество человека.

Безразличное отношение пролетариата к религиозным верованиям совершенно новое явление в истории религии.

Причины религиозного равнодушия рабочих
Религиозность крестьянства
Причины религиозности буржуа
Таковы верования в эпоху феодализма и капитализма
Обращение бога природы в единого великого духа, творца — самодержца
Племенные боги олицетворяют силы природы, обращаясь в бога природы
Племенной бог начинает командовать силами природы
Возникновение мифов с сотворении мира
Вера в бога племени и богов рода
Возникновение представления об аде и рае
Вера в родовых богов, предков рода
Почитание духов предков
Тотемизм.
Почитание добрых и злых духов
Развитие веры в существование души
Низшая ступень развития человечества
Нет веры в существование души и богов, нет религиозного культа

ГЛАВА ВТОРАЯ

Религия, наука и нравственность

Какие вопросы пытается разрешить религия?

Содержание всякой религии определяется двумя моментами: религия пытается изобразить устройство мира, как бог создал мир, как идет жизнь и изображает, как *должна* итти жизнь, как *должен* жить человек на основании законов бога.

Разрешая первый вопрос, религия сталкивается с наукой, и в первой части этой главы мы разберем взаимоотношение науки и религии. Отвечая на второй вопрос, религия, ссылаясь на божеские законы, говорит нам о нравственности. Изложить, как марксизм разбирает вопрос о нравственности, является нашей задачей для второй части настоящей главы.

Астрономия и местожительство бога.

Религиозно-верующий человек представляет себе бога в трех лицах. Обитает бог в небесах, или в раю. Воображение человека рисует себе рай прекрасным местом: там и райские деревья с чудными, необыкновенно-вкусными плодами, и райские птички поют, и реки текут с нектаром, куда вкуснее всех земных напитков. Около царя небесного целый сонм архангелов и ангелов, апостолов, святителей, пророков и разных преподобных. Все эти небесные обитатели в силу различных степеней святости занимают различные отделения: одни поближе к богу, другие подальше. У небесной квартиры есть и „врата небесные“, охраняемые ангелами с огненными мечами.

Об этом рае сам бог вещал через пророков всех времен и народов обитателям земли, так думают и верят религиозные люди. И вот теперь приходится удивляться, насколько „всеведущий и вездесущий“ бог имел неправильное представление об устройстве мира; это обстоятельство тем более удивительно, что, по утверждении религии, сам же бог и сотворил мир.

Это *жестокое столкновение между религией и наукой* произошло тогда, когда астрономия, изучающая устройство мира, дала возможность через зрительные трубы, телескопы проникнуть смелому взору человека в бесконечное мировое

пространство. В этом бесконечном мировом пространстве взор человека увидел огромное количество звездных миров. Около звезд, таких же больших, а в большинстве случаев во много раз больших, чем наше солнце, вращаются такие же планеты, как и около нашего солнца. Все звезды солнца движутся с огромной быстротой по мировому пространству. *Таким образом астрономия силою своего света знания* рассеяла призрак небесной квартиры бога, созданный воображением самих же людей, не имевших никакого представления об устройстве звездных миров в мировом пространстве. В этой борьбе, в этом столкновении с наукой, религия потерпела полный разгром.

Наука и знание, религия и вера.

Наука говорит, что пусть к истинному познанию всего существующего идет через знание, которое дается пытливыми изысканиями, настойчивым изучением природы и общества.

Религия, наоборот, считает, что только через веру, через молитву люди придут к истине: „Я молился и дарован мне разум," говорит Соломон (Премудр. Сол. VII, 7).

„Знание — сила," говорит наука.

„Господь — моя сила," возражает религия.

„Ученье — свет," утверждает наука.

„Бог есть свет," говорят верующие, ссылаясь на послание апостола Иоанна (I-ое послание, глава I-ая, стих 5-ый).

Душа и устройство организма человека.

Вера и наука не могут ужиться вместе. У них разные дороги. Веру нельзя подкрепить наукой, и науку верой. Но наука сильнее веры: как бы горяча и пламенна не была вера, *она не может опровергнуть фактов, добытых наукой,* хотя для веры дело и *„не в убедительных словах мудрости,* но в явлениях духа", хотя *„вера утверждается не на мудрости человеческой, но на силе божией"* (Из посланий апостольских: Кор. II — 4-5).

Вера утверждает, что бог вдунул душу бессмертную в тело человека. Благодаря тому, что человек имеет душу, он может думать и чувствовать.

Когда верующего человека спросишь о том, в какой части тела пребывает душа, он вам не сумеет ответить, сколько бы он ни думал, пока не рассердится и не скажет: „есть душа и баста!" Точно так же на вопрос: „Из какого вещества состоит душа", кроме ответа, что душа „бесплотна", вы ничего не получите.

Знание дает нам опровержимый вывод, что душевная деятельность людей тесно связана с деятельностью тела. Почему человек видит природу, слышит других людей и *думает* о

природе, о других людях? Потому что зрительный нерв раздражается волнами света, по нерву это раздражение передается мозгу, в мозгу совершаются изменения вещества, и, благодаря этому, возникают ощущение и мысль. Точно так же, когда люди говорят (или вообще раздается какой либо звук) то голосовые связки (или звучащий предмет) сотрясают воздух, звуковые воздушные волны доходят до органа слуха, раздражают слуховой нерв, по нерву, вследствие химических изменений вещества нервного волокна, раздражение передается в мозговую ткань, и опять возникают, как и в первом случае, ощущение и мысль. Глазами, ушами, языком, носом, всей своей кожей человек воспринимает раздражения от окружающей его природы. Раздражения передаются по тысяче нервных волокон в мозговую ткань. Возникают тысячи ощущений; мыслей, возникает сознание человека об окружающей его природе. Если мозг болен, то и мысли и чувства человека сумбурны и чудовищны. Мозги идиотов по исследованию ученых оказались изуродованными, и раза в 4,5 меньше мозгов нормального человека. Вот какие факты дает нам наука о строении нервной системы человека. Ясно, что когда другие органы человека: желудок, сердце, легкие и т. д. больны, то это отзывается и на мозговой деятельности: мысль слабеет. *Вот вам и душа — командир тела!*

На основании этих фактов вполне правильным будет вывод, что допущение существования души есть чистейшая фантазия; ни один факт не говорит в ее пользу; вера в существование души ничего не об'ясняет, напротив только запутывает, заводит познание человека в тупик.

Как об'яснить получение впечатления от вещественной, материальной природы в нематериальной, „бесплотной" душе?

Как происходит общение бесплотной души (душа велит: „выпей воды"... тело пьет) *с телом?*

Чрезвычайно интересны и поучительны исследования современной науки психической (душевной) деятельности людей.

В сознании человека наблюдаются два потока мыслей и чувствований. Один поток ясно и четко сознаваемый, другой — не находится в центре сознания, неясен и туманен. В подсознательном потоке хранятся все впечатления, воспринятые человеком и воспринимаемые бессознательно. Из этого склада, если так можно выразиться, волей человека поднимается в центр сознания то, что в данный момент нужно человеку. Когда человек спит, высшие центры мозга его бездействуют, и подсознательный поток без контроля этих центров начинает

ткать свою причудливую ткань: чего - чего только не видит человек во сне (Подробный анализ душевной деятельности человека дает Рейснер в своей книге „Нужно ли нам верить в бога"). Богатая сокровищница впечатлений—подсознательный поток — дает человеку мысли, которые вдруг неожиданно выплывают. Как будто открытие ученого дается „свыше!" На самом же деле оно рождается на основании богатейшего опыта впечатлений, неукладывающегося целиком в центре сознательного потока. Знаменитый психолог Сидис, приучая руку механически писать во время беседы, сделал открытие: когда разговор идет, примерно, об устройстве радиостанции, рука в это время пишет решение задачи, а, может быть и еще что-нибудь выведет, согласно прихотливому и капризному движению подсознательного потока.

Психические болезни об'ясняются болезнью высших центров мозговой ткани, отчего человек, психически больной, и начинает вести себя странно!

В настоящее время больших достижений добился гипнотизм, сущность которого состоит в том, что внушением у человека парализуются высшие нервные центры, а подсознательным потоком начинает командовать внушающий. Человек под гипнозом от простой воды пьянеет, может одеревенеть так, что клади на него хотя сто пудов — выдержит и т. д.

Методы внушения различны: заставляют внушаемого вперить взор в одну точку, или заставляют его слушать однообразные звуки, или вдоль его тела совершают однобразные движения. В результате внушения человек впадает в безвольное, сонное состояние и делает все, что ему прикажут.

Особенно легко поддается гипнозу толпа, и этим искусством воспользовались попы.

„Что мы видим в церквах?" спрашивает тов. Рейснер и отвечает: Прежде всего уединенные полутемные помещения, где удалены все посторонние впечатления... Посетители храмов принуждаются неподвижно стоять в тишине и молчании. Их заставляют смотреть, не отрывая глаз, на разные блестящие предметы, или на огни, находящиеся у алтаря..... Сюда же присоединяются монотонное чтение и однообразные тягучие напевы...... *Это, конечно, наряду с неподвижностью, очень утомляет наше сознание*...

„Не удивительно теперь, что так обработанные люди уже ничем не отличаются от внушаемых в любом психологическом кабинете или медицинской клинике."

Немудренно, что люди видят: „разверстые небеса" и „святых духов", сходящих с небес, и ничем после не убедишь

их, что это им приснилось. Вполне понятны также, правда, чрезвычайно редкие исцеления у „мощей“. Гипноз имеет целебную силу. Вот к чему пришла наука, изучая душевную деятельность человека и „чудеса“, даруемые с неба. Опять религия с позором отступает с своих позиций под напором знаний человека.

„Мощи“

Одной из довольно сильных позиций религии были „мощи“. Наука уже давно доказывала, что тело после смерти, по законам природы, должно разлагаться. Поэтому, утверждение, что тела „святых“ остаются без изменения после смерти, является ложью.

Когда почва состоит из крупнозернистого песку, то труп в ней разлагается в 7 лет. В мелком песке или глине труп разлагается в течении 9 и более лет. Но возможны условия, при которых труп может сохраняться довольно долгое время. Это случается тогда, когда труп находится в сухом, теплом месте, с большим доступом в его поры воздуха. Получается проветривание и высушивание трупа, потому что трупная жидкость быстро высыхает, и благодаря этому он не разлагается. Такое явление называется *мумификацией*, а труп в высохшем состоянии называется мумией. С мумификацией мы часто встречаемся в пустыне Сахаре. Между прочим, пещеры Киево-Печерской Лавры достаточно сухи, и вентиляция там изрядна. Это способствовало мумификации трупов монахов. А так как предки наши с этим явлением научно не были знакомы, то вполне понятно, что от указанной лавры и разлилась по всей Руси вера в „нетленные мощи“. Наука еще открыла любопытное явление трупного воска, при котором труп, находящийся в глине с водой, а потому совершенно не сообщающийся с воздухом, задерживается в своем разложении; это способствует, в силу особых химических процессов, превращению жира в так называемый трупный воск, дольше сохраняющийся, чем труп при обычных условиях. Революция рабочих и крестьян, дала возможность узнать правду о „нетленных мощах“. Вскрытие их подтвердило то, что наука давно уже доказала. В раках увидели: или кости, или полуразвалившиеся мумии, или подделанные монахами куклы.

Общественные науки и религия о судьбе.

Все „в руце божией“, „без него ничтоже бысть, еже бысть“ говорит священное писание. Общественные науки, изучая общественные отношения людей, дали рабочим и крестьянам знание творить свое будущее, свою судьбу. Опять-таки *знание сильнее веры*. Веруй в царство небесное, не дождешься ничего хорошего на земле!

Создание мира и человека по „священному писанию“ и наука о происхождении мира и человека.

Мы уже разобрали миф о создании мира небесным творцом в первой главе, указавши на его внутренние противоречия. Теперь мы углубим свой разбор.

Религиозный человек верит, что бог создал мир из ничего. Против этой беспочвенной веры наука выдвигает факт о неуничтожимости материи. Материю нельзя ни создать, ни уничтожить. Этот закон открыла химия, которая изучает, из каких элементов состоит вещество, или материя. Она открыла около 80 элементов: водород, кислород, калий, железо, кальций, радий и т. д. Закон неуничтожимости материи химия доказывает целым рядом опытов. Возьмем для примера два из них. Когда сгорает свеча, многие полагают, что воск (вещество) пропадает бесследно. Оказывается же, что это утверждение неверно. Прежде чем зажечь свечу, ее кладут на весы и узнают ее вес. Свечу сжигают под ламповым стеклом, внутри которого помещают особые вещества, поглощающие продукты горения. Эти вещества тоже перед началом опыта взвешивают. После того, как сгорит вся свеча, вещества, помещенные в ламповом стекле, взвешивают; оказывается, что вес этих веществ увеличился ровно на столько же, сколько весит свеча, даже немного больше, ибо при горении воск соединяется с кислородом и вес которого прибавился вместе с ним к весу указанных веществ.

Другой опыт: бертолетовую соль нагревают. Из нее выделяется от нагревания особый газ, который улавливают в бутылку. Когда кончается опыт, то получают газ (кислород) и беловатый осадок соли. Если взвесить полученный кислород и оставшуюся соль, то вес их будет равен весу того количества бертолетовой соли, которое было взято для нагревания.

Какое бы вещество вы ни взяли, будет получаться та же история. Поэтому мы установили факт, что материя извечно существовала, и вере, что мир создан из ничего, нанесен наукой сокрушающий удар. Наука добыла факты, говорящие о происхождении мира и человека, окончательно разбивающие легенду о сотворении мира богом. Наука доказала, как возникают звездные миры с планетами, как возникла и развивалась жизнь на земле. Священное писание утверждает, что мир создан сразу таким, каким мы его видим, что человек создан таким, каким мы его видим сейчас, с его умением говорить и с религиозными верованиями. Наука же неопровержимо доказывает, что сначала на земле не было не только человека, но и, вообще, ни животных ни растений; что весь растительный и животный мир во всем его разнообразии развился из простейших одноклеточных существ, настолько маленьких,

что их можно увидеть только в микроскоп; что сам человек имел своим предком животное, похожее на обезьяну; что в прежние периоды существовали такие растения и животныя, которых сейчас нет и о которых, по библии, и сам бог не имеет никакого представления. Изучая жизнь современных дикарей, которые недалеко ушли от животного состояния и напоминают наших предков, мы видим многие племена, не умеющие владеть речью. Это дает нам право утверждать, что речь человека и его сознание не сразу возникли, что сначала их не было.

В первой главе мы достаточно ясно указали, как возникла и развилась сама религия. На фактах, приведенных там, мы видим, что сознание дикарей возникло постепенно само собой в результате тысячелетнего жизненного опыта, что религию создали сами наши предки.

Они создали религию с ее верой в чудеса, в бога и в чертовщину, потому что у них не было знаний, которые они заменяли религией XIX век со своим мощным развитием науки постиг законы природы, правда, не все. Наука дала возможность покорить могущественные силы природы и заставить их служить обществу. В XIX веке наука начала постигать законы общественной жизни, и пролетариат, век которого наступает, воспользуется этими результатами и научится разумно управлять общественной жизнью, продолжая дальнейшее изучение сил пророды.

„Отражения действительного мира в верованиях может исчезнуть лишь тогда, когда условия труда и практической жизни представят человеку ясные и разумные отношения, *когда жизнь станет произведением людей,* свободно соединяющихся в общество, *действующих сознательно и сообразно определенному плану*“, говорит Маркс. По образному выражению Штрауса „религиозная область в человеческой душе напоминает область краснокожих в Америке, которая, несмотря на сожаления одних и неудовольствия других, из года в год суживается под напором ее бледнолицых соседей“.

* * *

Что говорит теория марксизма о нравственности?

Разбор религиозных представлений о возникновении мира и его устройстве убедил нас в том, что религия со своей даже пламенной верой недалеко пошла: когда религии была сделана очная ставка с наукой, она (религия) обнаружила полное убожество и дряхлость пред светом знания. Перейдем теперь к разбору

того, что считает религия добром и злом, какие правила благочестивой жизни преподносит нам бог.

Прежде всего, мы дожны возразить против того, что нравственность, как дар „свыше“, постоянна и неизменна.

Правила нравственности создаются под влиянием того или иного общественного строя. Общественные же отношения, как и все в мире, изменяются. Изменение общественных отношений изменяет и содержание правил нравственности или морали. Этим положением опровергается вера в то, что нравственность дарована нам свыше милосердием бога.

Как смотрели на равенство людей в разные времена.

Идея о равенстве людей возникла давно, а между тем в разные времена она понималась неодинаково. Во времена древнего рабства, борясь за равенство и проводя его в жизнь, совсем не думали о том, что женщины и рабы должны быть уравнены в правах со свободными гражданами. В средние века крупные землевладельцы, осуществляя равенство между собою, не думали о том, что крепостные—тоже люди. Буржуазия тоже проповедует равенство, но когда пролетариат хочет провести полное равенство, лишая буржуазию ее богатств и привилегий, буржуазия считает, что это—величайшая безнравственность.

При разных условиях добро и зло понимается по разному.

Таким образом, разбирая один пункт морали о равенстве, мы видим, что каждый класс имеет о нем свое представление. Штрейкбрехер, идущий работать на фабрику во время забастовки, с точки зрения буржуазной морали, поступает нравственно, ибо он кормит свою голодную семью; а самое главное—работает на фабриканта; с точки зрения же пролетарской морали, он—изменник и предатель.

Как же получается такое противоречие, и как об‘яснит это религиозный человек? Ведь, согласно религии, бог „един и всесовершенен“, и нравственный закон один и неизменен, ибо он „от бога“. Вряд ли религия может об‘яснить указанный факт. Этим молчанием оправдывается положение марксизма, что и нравственный закон люди создают себе сами, как и религию, и бога.

Добро и зло в понимании рабочего и капиталиста.

Существование классовой морали, особой для каждого класса, отражает собою классовые противоречия и борьбу классов. В то время, как капиталисты думают про себя, что они энергичны, предприимчивы,—пролетариат определяет их поведение, как алчное и жадное; когда капиталист считает, что он только деловит и рассчетлив,

(„что ж, мол, тут безнравственного?“), пролетарий говорит, что он беспощаден и жесток к бедным и слабым; когда капитал считает себя благотворителем рода человеческого, исполняющим нравственный закон,—острое марксистское понимание видит в этом ловкое уменье прикрывать свою эксплоатацию.

Буржуй создал себе идеал „сверхчеловека“, сильного, смелого,—рабочий же думает про мощный коллектив свободных и счастливых людей.

О возникновении нравственности. Чтобы разрешить вопрос о происхождении морали или нравственных правил, мы должны вспомнить, что наука доказала нам происхождение человека от предков, которые мало чем отличались от животных. Наблюдения над животными с этой точки зрения дают богатый материал для разрешения поставленного вопроса.

Собака, сторожа дом, имеет ясно выраженное чувство долга. Точно так же мы должны сказать о буйволах, бросающихся на хищников, чтобы защитить самок и детенышей, или о воронах, стоящих на постах и охраняющих товарок, спокойно клюющих зерна. Примеров подобного рода можно привести сколько угодно.

Таким образом, зачатки нравственности мы наблюдаем и у животных. Удивляться этому сопоставлению человека и животных не придется, если мы не упустим из виду фактов о происхождении человека, данных нам наукой. Конечно, религиозные люди, верующие в то, что сам бог наложил печать нравственности на человека, будут возмущаться, но это возмущение покоится только на одной вере, которая *ничего не доказывает*.

Общественность, спайка—один из пунктов нравственного закона. Инстинкты общественности мы находим и у животных.

Когда мы видим, что среди диких племен убивают старых немощных и маленьких лишних детей, то это с нашей точки зрения безнравственно, но ведь только необходимость заставляет их так поступать: оставляя стариков и лишних детей в живых, дикие племена при недостатке пищи будут этим обрекать все общество на вымирание. Сохраняя общество, в силу инстинкта общественности, дикари по своему нравственны. Каждым обществом считается нравственным то, что полезно для него.

Сожительство животных проявляется потому, что им приходится быть вместе по месту рождения. Молодые животные держатся вместе. В этом проявляется семейный инстинкт. С этой формы общественности у наших предков начал развиваться инстинкт общественности.

Инстинкт общественности ярко проявляется у животных при переселениях, у птиц—при перелетах. Гонимые голодом, они держатся вместе. При таких же обстоятельствах проявлялся инстинкт общественности и у наших предков.

Таким образом, мы убеждаемся, что общественность возникла у наших предков не в силу божественного внушения, а в силу необходимости. Точно также развитию общественности среди животных способствовало то, что они в большинстве случаев в одних местах добывали себе пищу. Сильные, хищные звери должны охотиться в одиночку, поэтому общественность среди них почти не развита. Соединяясь в силу необходимости в стада и стаи, животные начинали уже находить удовольствие в том, чтобы видеть себе подобных. Это удовольствие, переходящее в симпатию, подкреплялось тем, что животныя сообща лучше могли защищаться, лучше и скорей добыть себе пищу, наладить производство своей общины (пчелы) и т.д. Интересны стаи, стада заставляют их оставлять или разрывать на части раненое или больное животное. Поучительно сравнение с племенами дикарей и наших предков, убивающих стариков.

Инстинкты общественности развивают и чувство долга, и чувство преданности, и самопожертвование, о которых мы говорили вначале.

Эти факты дают нам полное основание представить себе такую же картину происхождения нравственности и у наших предков.

Признанием этого факта мы производим громадный переворот в наших понятиях о нравственности, в которой, по религиозным верованиям, должно излагаться то, что *должно быть* по закону от бога. Теперь для нас на первый план выдвигается задача выяснить, *что есть, и что было в нравственности.* Тогда мы поймем все нравственные законы и требования, которые, по выражению Каутского, возникают „из соответствующих общественных форм и общественных инстинктов, унаследованных нами от наших предков“.

Идея справедливости. Богословы, разбитые при своей защите нравственного закона, как дара свыше, хватаются за идею справедливости: ее, мол, нет у животных. (Конечно, о справедливости им, защитникам буржуазной справедливости, лучше бы было помолчать). Оказывается, что у дикарей совершенно отсутствует понятие справедливости, у них даже и слова такого нет, а они люди, созданные по „образу и подобию“ бога! Отсутствовала идея справедливости и у

наших предков, когда не было собственности. „Идея справедливости проникла в человеческий мозг, лишь после возникновения частной собственности“, говорит Лафарг. Один иезуит, католический священник, живя среди дикарей, так описывает свои впечатления: „Братский дух краснокожих, без сомнения, об'ясняется отчасти тем, что ледяные, по выражению Иоанна Златоуста, слова:—мой, твой,—еще не известны дикарям“. Совершенно неожиданно его преподобие пришел к выводу, согласному с нашим представлением. Когда муж, считая жену своей собственностью, ревнует ее, когда отец любит своего ребенка и оставляет ему наследство,—они мыслят, что поступают *справедливо.* Капиталист, владея собственностью, не согласен, когда ему говорят, что это несправедливо; угнетая же в колониях подчиненные им народы, правящие классы капиталистических стран считают это вполне нравственным, и даже говорят о своей гуманности, или доброте! Как же! они „просвещают“ темные некультурные страны! Священники же услужливо им поддакивают, ссылаясь на тексты „священного писания“, *данного от бога!*

О „справедливости“ рабства мы говорили выше.

Таким образом, марксистское учение о нравственном законе, как о создании самого человека, вполне доказано.

Дальше мы остановимся на содержание нравственного закона, записанного самим богом через его пророков на скрижалях священного писания.

Судьба грешника и судьба святого.

Согласно „священного писания“, добро и зло раз навсегда определены. Все, что ни есть на свете, „от бога положено“, так что и рад бы праведник согрешить, да видно не судьба. Наряду с этим мы видим, что злодей, всю свою жизнь убивавший, может сделаться в одно мгновение праведником, стоит только заплатить в церкви за исповедь при отпущении грехов.

Бог сотворил и добро и зло.

Тов. Луначарский, говоря о добре и зле, сомневается как это случилось так, что „бог есть абсолютное благо и мощь... почему же если добро сильнее, оно... не победило в миллиардах веков, в бесконечности прошлого?“

Зло сильнее добра.

Бог клянется не дать грешнику пощады, хотя бы грех его был совершен вначале сотворения мира (Евр. IV, 3). С другой стороны „ему известно было все прежде, *нежели сотворено было*“ (Иисус Сирах XXIII, 29). Зачем же тогда клятвами греметь, если грешнику по воле бога, суждено быть таковым? Зло от дьявола: „бог создал

человека для нетления... но завистью дьявола вошла в мир смерть“ (Прем. Сол. II, 23, 24). Что же получается? Бог винит дьявола, что он сотворил зло. Дьявол сильнее бога, так выходит по священному писанию: „мир—юдоль скорби... вся тварь совокупно стенает и мучится доныне“. (Рим. VIII, 22). Ну, а всесильный бог-то что делал, пока дьявол так чисто сработал свое дело?

Первый грех и вечные мучения.

Всем известно, как совершен был первый грех, а в этом деле поведение бога более, чем странно. Бог сознательно послал (и знал вперед, такова была воля его) провокатора—дьявола соблазнить первого человека. Дьявол исполнил приказание бога хорошо. За „свой“ грех человек и его потомки, которым суждено уже быть грешниками, должны всю вечность кипеть в смоле кипучей.

Богословы ссылаются на свободу воли человека: сам, дескать, виноват: *„Бог не виноват. Человек все испортил“. Значит, человек сильнее бога. Бог составил план, а человек его срывает“*.

Бог для богатых.

„Священное писание“ оправдывает рабство, изображает в прекрасном виде нищету и страдания бедняков. Каутский, выражая эту мысль, говорит: „С тех пор, как существует классовое общество, выработался резкий антагонизм (противоречия): господствующая нравственность постоянно защищает рабство, неравенство и эксплоатацию. „Благословляйте гонителей ваших“. (Рим XII, 14).

Религия—яд и опиум для трудящихся, находящихся в физическом угнетении от капитала. Религия—узда для пролетариев: „бог гордым противится, а смиренным дает благодать“ (Иак IV, 6). Религия лицемерно возглашает, пугая бедняков хорошей земной жизнью: „горе вам, богатые“, обещая им геену огненную, а беднякам „царствие небесное“: *„Блаженни нищии“*, *„блаженни плачущие“*. Священное писание проповедует буржуазную справедливость, когда рисует картину расправы господина с рабом и грозит такой же расправой царя небесного с грешником. Иоанн Златоуст просит бедных пожалеть богатых, „ибо живущие в роскоши несчастнее нищих“ и не добиваться ответа на вопрос: „почему такой-то богат, а такой-то беден?“

Лучше будет для бедняков, если будут „царя чтить“, а не то—„подвергнутся казни огня вечного“ (Иуд. 1, 8).

О нравственности женщины и о церкви—невесте христовой. О любви вообще.

Нравственность женщин священное писание определяет тем, что „жена да боится мужа своего“. „Досада, стыд и большой срам, когда жена будет преобладать над своим мужем“ (Иисус Сир. XXV, 24) „От жены начало греха (там же, 25). Вот как смотрит на женщину священное писание.

На любовь к женщине св. писание смотрит, как на греховную страсть. „Хорошо человеку не касаться женщины". (I, Кор. VII, 1) „Но если не могут воздержаться...... во избежание блуда, каждый имеет жену свою" (там же).

Зато священное писание до небес превозносит духовную любовь, подобную любви Христа к своей невесте—церкви. Богатый материал об этой любви дает Песнь Песней. „Кобылице моей... я уподобил тебя" (Песнь П, I, 8) обращается Христос к церкви с приветствием. „О как прекрасны ноги твои в сандалиях... округления бедр твоих..." и т. д. (П. П. VII, 2-6). Стан твой похож на пальму и груди твои на виноградные кисти... Подумал я: влез бы я" (VII, 9). Вот что влезло в голову Христа!

Церковь-христова невеста—страдает не меньшей страстью к жениху. „Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, я изнемогаю от любви (П. П. II, 5). —„И левая рука его у меня под головой, а правая обнимает меня".

Богословы скажут: „Зачем понимать в прямом смысле?" Ответим им: „все-таки священному писанию, данному свыше, открывать в таком игривом тоне „святые истины" не пристало".

Послушаем, что дальше вещает о любви „священное писание". „Священное писание"—все целиком есть „откровение" от бога. Бог—сама премудрость, и мы вправе ожидать от бога логичности в его „откровениях". На деле мы видим другое. „Бог есть любовь" (I Иоанн IV, 8) „Любите друг друга" (Там же) Дальше. „Приносящий жертву богам, кроме одного господа, *да будет истреблен!*" (Исх. XXII, 20) ...„побей их камнями до смерти" (Вт. XVII, 2—5). Если кто обольстит девицу и не захочет взять ее в жены, то „пусть заплатит отцу, *сколько полагается*" (Исх. XXII, 16—17). „Если отроковица сделала срамное дело... пусть приведут к дверям дома отца ее *и побьют камнями*" (Вт. XXII, 21).

А вот пример отцовской любви: „лелей дитя, и оно устрашит тебя, играй с ним, и оно опечалит тебя... Нагибай волю его в юности и сокрушай ребро его, доколе оно молодо" (Иис. Сир. XXX, 12) „Око за око, зуб за зуб", учит священное писание. „Убьешь раба,—только деньги заплатишь господину". Бог милосердный, а как он жесток: „накормлю полынью, напою водою с желчью, рассею и пошлю меч, доколе не истреблю". (Иер. IX, 15, 16; XXIII, 15). И так без конца.

Национальный вопрос и о равенстве.

В области отношений нации, равенства людей, божественный закон нравственности делает самые противоречивые указания. „Несть ни Еллин ни Иудей, обрезание и необрезание, варвар и скиф, раб и свобода,

но всяческая и во всех Христос“. У кого есть одежда и пища, дай неимущему. Чего же лучше: нравственный закон предписывает социальное равенство. С другой стороны: „ина слава солнцу, ина слава звездам, звезда бо от звезды разнствует во славе“ (I кар. XV; 41) Значит,—долой равенство! „Христос сделался служителем для обрезанных, ради истины божией... а для язычников из-за милости“. (Рим XV, 8). Здесь мы видим ярко выраженный национализм. „Кто любит отца или мать... сына или дочь более, нежели меня, тот не достоин меня“ (Мф X, 35—37). „Не любите мира... ибо все, что в мире... не есть от отца“ (телесного) (IV Иак II, 15-16). Отрицание семьи и признание ее—две вещи непримиримые!

„Не кради; Не прелюби сотвори“

„Не кради!“ говорит бог и он же предписывает евреям выманить золотые вещи у египтян при их выходе из Египта.

Не посмотри на женщину с вожделением! А святой патриарх Авраам продает свою жену Сарру при переходе в Египет знатным и богатым, и та же Сарра, занимается сводней, предлагая Аврааму в любовницы служанку Агарь. Или: „и сделались... дочери Лотовы беременны от отца своего“ (Б. XIX—36) Хорош и псалмопевец Давид, убивающий Урия для того, чтобы взять жену его Вирсавию! „И было у него (Соломона 700 жен и 300 наложниц (III Ц, XI, 3). И, видя праведность его, сказал господь: „Соломон будет мне сыном, а я ему отцом“ (Ц., 22, 10).

Библия—книга крови.

„В городах народов, которых господь дает тебе во владение, *не оставляй живых ни одной души*“ (Вт. XX—16). „Вышли две медведицы из леса, растерзали 42 ребенка“,—это бог повелел за то, что дразнили пророка Елисея лысым! И чуть ли не на каждой странице повествуется о жестоких расправах царя небесного.

Один из видных работников-пропагандистов, останавливаясь на новом завете и его „великом“ таинстве причащения говорит:

„Еще верую, яко сие есть самое пречистое тело твое“, говорит христианин. Верую и предвкушаю удовольствие при мысли о том, как будет хрустеть оно у меня на зубах, „люблю тебя, не как Иуда, но как разбойник“, люблю и потому жую тебя, господи, зубами, люблю и, как сайку с маком люблю, а кровь твою пью, но это уж не разбойник, а прямо волк“ (Логгинов).

А возьмите вы загробные мучения, сколько в них „озверелого фанатизма!“

„Дикое сладострастие *мучительства* встречаем мы не только в грубых религиях древних завоевателей или дикарей, *но точно так же в системе так называемой религии любви, в евангельском христианстве;* здесь восточная фантазия Иоанна до того насыщена ненасытным безумием истребления, полна жаждой мести и разнузданного мучительства, что в изумлении останавливаешься пред этим *бредом озверелого фанатизма:* неужели ничего лучшего не мог придумать бог для обеспечения исполнения своих велений!“ (Рейснер).

Заключение о нравственном законе бога. Мы видели, как религия и наука дали друг другу бой в своих об‘яснениях о возникновении мира и его устройстве и в своих суждениях о том, откуда у человека явилось понятие о добре и зле, откуда появились в обществе правила, законы нравственной жизни. Как в первой, так и во второй области религия вынуждена была сдаться.

Из утверждения религии, что нравственный закон дан людям от бога, следует утверждение о неизменяемости и совершенстве этого закона, ибо бог—всеблагий дух и бесконечно совершенен.

Наука опровергла эту веру ссылкой на то, что в разные времена добро и зло понимали по-разному, а различные классы общества создают различные правила нравственности; что зачатки этой нравственности мы видим и у животных. Отсюда для нас ясно, что понятие о нравственности возникло естественным путем, а не сверх‘естественным путем откровений от бога.

Общество в своем развитии, глядя по тому, в каких условиях оно жило, каждый раз при изменении этих условий создавало новые своды нравственности.

Итак, веря в неизменяемость нравственного закона от бога, каждое новое поколение слагало, как в сорную кучу, свои новые законы нравственности в „священное писание“, вот почему мы в религиозных нравственных законах, в ее морали видим сумбур и страшную неразбериху.

Религия презрительно отзывается о земной жизни. Идеал ее—загробная жизнь на небесах. Поэтому в своих построениях она дает волю безудержной фантазии. Чем больше требования религии противоречат жизни, тем больше шансов считать мораль религии небесной моралью.. Но, соприкасаясь с жизнью, церковь, благодаря туманности и неопределенности своих законов, в высшей степени двойственна и лукава. „Священное писание“, что луг с цветами; хочешь желтых цветов, или

синих, или красных,—любые рви! Так же и в священном писании: нужен текст о равенстве и братстве,—найдешь! О почитании царя, или о протесте против тиранов земных, или о правильности мести, пожалуйста,—любой выбирай!

Отрицание греховной земной жизни религией нашло свое выражение в противопоставлении Христу—антихриста. Когда вдумаешься в тот и другой образ, то между ними находишь большое сходство. Разница только в том, что Христос устраивает прекрасную жизнь на небе, а антихрист устраивает счастье людей на земле. Церковь яростно ненавидит антихриста, и, несмотря на то, что он своими действиями устанавливает всеобщий мир и благополучие и не трогает и религии,—все таки „священное писание“ пророчит ему страшную гибель. Понятно, почему: религия, как сорная трава, произрастает лучше всего на отбросах и разрухе, болезнях и бедствиях... Лучшие ее питательные соки—горе и страдание“ (Рейснер). А то,—чего доброго! Устроят люди свою жизнь хорошо,—и храмы запустеют, и доходов не будет!

Для пролетарской революции не нужен ни Христос, ни антихрист. Рабочий класс сам с‘организует жизнь и познает ее законы.

„Если мы строим нашу нравственность и наши идеалы, то берем их из дружного коллективного труда, пролетарского героизма и творческого разума“ (Рейснер).

Религия с ее хламом, трухой от прошлых веков, только загораживает путь к господству труда и знания, являясь „величайшим врагом всякой здоровой человеческой нравственности“.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

„Происхождение христианства“

Общестрой к началу христианской эры и его хозяйственная основа.

Чтобы лучше понять происхождение христианской религии и ее сущность, необходимо ознакомиться с общественным строем той эпохи, когда возникло христианство, ибо всякая религия зависит от условий общественной жизни той эпохи, в которой она берет свое начало.

Земледелие—главная отрасль производства в те времена, землевладельцы—главный господствующий класс. Это обстоятельство способствовало развитию рабства.

Каутский сообщает, что во время войны римлян с Македонией в 169 г. до Р. Х. в одном Эпире в течение одного дня было разграблено 70 городов и 150.000 жителей продано в рабство. Таких случаев немало. Вследствие этого рабы были очень дешевы. Везде и всюду рабов было очень много. Положение их в рудниках и на полях было крайне тяжелое. При рабской системе труда производительность его очень низка, и хозяйство, основанное на нем было технически отсталым.

Раб нерадив, не принудь господин повелением строгим
К делу его, за работу он сам не возьмется охотой:
Тягостный жребий печального рабства избрав человеку,
Лучшую доблестей в нем половину Зевес истребляет.
(из греческой народной песни „Одиссея").

Постоянные войны разоряли мелкие крестьянские хозяйства. Приобретение новых земель все расширяло и расширяло площадь крупных владений с рабским трудом. Крестьяне из свободных земледельцев превращались в зависимых арендаторов. „Как стеной, окружает меня со всех сторон богатство: здесь сад богача, там его поля. Здесь его виноградники, там его леса и пастбища.... Ко всему этому, наконец, присоединяется презрительное отношение к нам, беднякам". Так жалуется обедневший крестьянин того времени.

Дань и контрибуции, которые римское государство собирало с покоренных стран, давали ему громадные богатства. Развивалась необузданная роскошь. Разорявшиеся крестьяне массами стекались в города, увеличивая ряды непроизводительного, паразитического босяцкого пролетариата.

Хозяйство шло к распаду. „Теперь запустение начинается прямо у городских ворот, земля совершенно запустела и являет такое печальное зрелище, как будто она расположена в глубине пустыни, а не у ворот города.... Почти две трети нашей области не обрабатывается". Так говорил один гражданин на народном собрании. Распад крестьянского хозяйства и уменьшение количества рабов, ибо их уже не так легко было доставать как раньше, брожение в покоренных странах, все это привело римское государство к катастрофе.

„В течение четырех столетий, от основания римской императорской области Августом и до великого переселения народов, создавалось христианство: в то самое время, которое начинается кульминационным пунктом блестящего развития, достигнутого античным миром, *колоссальной и опьяняющей концентрацией богатства и могущества в немногих руках, массовым скоплением величайшей нищеты рабов, разоряющихся*

крестьян, ремесленников и люмпен-пролетариев, в то самое время, которое начинается крайне резкой противоположностью классов и мрачной классовой ненавистью—*и кончается полным обеднением и отчаянием всего общества.*

Все это положило свою печать на христианство, все это оставило на нем свои следы" (Каутский).

Политический строй. Римское государство в лице своего господствующего класса, покорив полмира, захватило всю мировую торговлю, применяя к покоренным странам способы грабежа и ростовщичества. Демократия, продавая свои голоса различным партиям, заинтересована была в разграблении и расхищении провинций. Государство, отдав ростовщику на откуп сбор налогов в провинциях, кинуло покоренные страны в лапы ростовщическому капиталу.

Налоги сосредоточивали в Риме громадные средства, но они целиком поглощались императорским двором и войсками. Таким образом, римское государство представляется нам в виде огромого паразита, высасывающего со всех стран все соки и ничего не созидающего.

„Гораздо яснее, чем экономическое банкротство, выступало политическое банкротство этой системы" (Каутский).

Постоянные войны увеличили власть полководцев. Путем подкупов, подарков и бесплатной раздачи продовольствия гражданам Рима, они еще больше увеличили свое влияние, и в конце концов через диктатуру военной клики, они пришли к императорской власти, беспощадно расправляясь с оппозиционными партиями. Императорско-самодержавный строй опирался на бездушный чиновничий аппарат, поддерживая свою власть штыками солдат из варварских племен. Беспощадный произвол, насилие царили по всей империи, вызывая возмущение в провинциях громадного государства.

Думы и настроения того времени. Деспотизм, придушение свободной политической жизни развили интерес к учениям о загробной жизни и существовании души. Очень часто можно встретить в книгах того времени места, похожие на то, что говорит Филон: „Ведь, пока мы живем, душа мертва и похоронена в нашем теле, *точно в могиле,* и, напротив, когда мы умираем, душа живет собственной жизнью: она освобождается от зла, а труп от жизни, связанной с душой". Нравственные проповеди, исповеди пред духовниками были очень распространены. В воздухе носились как раз те идеи, которые получили свое выражение в христианском вероучении.

В обществе того времени чрезвычайно были распространены рассказы о чудесах и вера в них, вера в особых чудотворцев, воскресавших мертвых. Один из таких чудотворцев был Апполоний. Последователи Апполония сражались с последователями Христа, доказывая, что их чудотворец, куда лучше Иисуса.

Разбравши основные черты жизни той поры, мы можем сделать вывод, что христианство есть продукт той эпохи, а отнюдь не дар бога свыше.

История иудейства и его основные черты.

Колыбелью христианства является Палестина. Поэтому, чтобы лучше осветить вопрос о происхождении христианства, необходимо разобрать вопрос об иудействе.

Первые периоды жизни иудеев оставили мало следов для изучения. Особые условия жизни этого племени способствовали быстрому перерождению культа духов-богов в культ единого, великого бога, который сильнее всех других богов. Ко времени царя Давида расцветшая торговля приносит богатства в страну. Купцы стремятся к приобретению владений в родной стране. Свободные земледельцы, освобождаясь от земли, попадали в долговую зависимость от родных помещиков. Это ослабляло военную мощь Израиля. Опасения за судьбу родной страны и разгорающаяся классовая борьба сказались в пророчествах. Пророк Амос возвещал: „Выслушайте слово сие, телицы жирные, что на горе Самарийской, вы, притесняющие бедных, отталкивающие жаждущих, говорящих своему господину: дай нам пить! Клянется Ягве святостью своей: истинно говорю вам, придут на вас дни, когда увезут вас на кораблях и потомков ваших на рыбачьих лодках“.

„Не ложь ли пустую изрекают ваши книжники? Вы между тем суд превращаете в ад и плод правды в отраву“.

Но пророки не помогли, и ассиро-вавилоняне покорили Иудею, оставив в Палестине только земледельцев. Национальная жизнь Иудеи сосредотачивается на чужбине. „Начинает развиваться аномальное (ненормальное) положение иудейства, делающее из него самое оригинальное явление во всемирной истории“ (Каутский).

Недолго пробыли евреи в вавилонском пленении. Под влиянием бедствий религия иудеев стала одухотвореннеи, и бог Ягве, оставаясь национальным богом, превратился в единого мирового бога. В это же время возникает идея Мессии, посланца божия, который воздвигнет мировое царство с правителями его евреями. Вследствие же того, что мировые

пути торговли удалились от Палестины, евреи начинают расселяться ближе к этим путям мировой торговли. Селятся они в Александрии, столице Египта, Антиохии столице Сирии, и их влияние сильно и в Риме.

Бывшие у черты погибели, евреи снова почувствовали почву под ногами. Это еще больше способствовало укоренению и развитию идеи Мессии. На сильное развитие пропаганды евреев с их учением о Мессии указывает и евангелие Матфея. „Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить, хотя одного, и когда он становится прозелитом, делаете его сыном геены, вдвое худшим, чем вы сами“ (23, 15) „Устами христиан говорила в этом случае конкуренция“ (Каутский).

В истории зарегистрировано много случаев обращения в иудейство даже царей.

„Еще в 139 году до Р. X. иудеи были изгнаны из Рима за то, что они обращали в свою веру италиков. Об Антиохии сообщают, что большинство членов тамошней иудейской общины состояло из обращенных, а не природных евреев. То же явление повторялось и в других местах“ (Каутский).

Пропаганда евреев и рост их влияния вызвали ненависть к евреям особенно со стороны классов, оседло живущих, как землевладельцы. Начинаются погромы евреев.

Эти гонения порождали стремление евреев в свой родной Иерусалим, „откуда должно было начаться обетованное иудейское царство, где страстно ожидаемый Мессия мог основать владычество иудейства“ (Каутский).

Иерусалим был центром евреев. Идея Мессии заставляла их держаться за своего бога Ягве, и вместе с национализмом там получил свое развитие и поповский фанатизм. Но несмотря на это, классовая борьба не минула и Иерусалима, и мы там видим много партий, из которых каждая на свой лад толкует о Мессии.

Партию саддукеев образовывали немногие знатные и богатые люди и духовные аристократы. Из их среды избирались первосвященники; они занимали и другие почетные должности. Богатства, стекающие в иерусалимский храм, сослужили им хорошую службу. Но уже около 100 л. до Р. X. простой народ ненавидел саддукеев, и их место стала занимать более демократическая партия фарисеев.

Эта партия состояла из книжников, свято чтущих все обычаи и обряды бога Ягве. Чем хуже становилось положение Иудеи, тем фанатичнее проповедывали фарисеи пришествие Мессии. Саддукеи же не верили в Мессию: „ни знанию, ни

мудрости нет места в могиле, куда ты пойдешь". А потому пока „пей, ешь, веселись!"

Масса народа, на которую влияли фарисеи, в свою очередь распадалась на несколько слоев. Рассеянные по всем странам, евреи занимались не только торговлей, но и ремеслами. Этот трудовой слой, разоряясь, часто попадал в рабство, но часть возвращалась в Иерусалим. Там они образовали слой люмпен-пролетариата и дружили с крестьянами Галилеи, которые, при своем малоземелье, были вынуждены заниматься грабежем. Их партией была партия зелотов.

Партия зелотов вела борьбу против ставленников Римской империи—иудейских царей. Восстания шли за восстаниями. Их поражения породили отчаяние в народе. Религиозные чаяния, вера во все чудесное, были основными элементами настроения.

Эти волнения совпадают с началом христианской эры. Любой энтузиаст мог быть принят за Мессию. Нерешительная позиция фарисеев в борьбе против римского владычества оттолкнула от них массы; к национальной борьбе присоединилась борьба классовая, которая достигла своего апогея в 70 году по Р. Х., когда пал Иерусалим. Вот при каких условиях, в какой обстановке возникало движение христиан.

Наряду с крайней сектой зелотов, революционно действующей, мы встречаем мирную коммунистическую секту ессеев. Особенно подробно описывает эту секту Филон, живший в начале христианской эры:

„Они жили все вместе... никто из них не имеет собственного имущества... но, соединяя вместе все свое имущество... они все пользуются им сообща... не только пища, но и одежда у них общая". Иосиф Флавий говорит, что они презирают брак и берут на воспитание чужих детей. Но существовали ессеи, считавшие брак необходимым.

Такого рода секты были знамением времени: в Греции мы видим секту пифагорийцев, в Антиохии — секту терапевтов.

* * *

Разбор источников, относящихся к моменту возникновения христианства

Польский ученый Андрей Немоевский указывает, что источники, говорящие о начале христианской эры, доказывают только существование христианства, но о существовании самого Христа из них нельзя почерпнуть доказательств. Источники, доказывающие существование Христа, по времени своему относятся к моментам на сотню-полторы лет спустя после начала христианской эры, а потому и не имеют силы прямого свидетельского доказательства.

Филон Самым древним источником являются сочинения александрийского еврея Филона, о котором деяния апостольские отзываются, что он: „муж красноречивый и сведующий в писаниях, он был наставлен в начатках пути Господня, учил правильно о Господе“ (XVIII, 24—25). Его племянник Тиверий Александр в 45—48 г. г. по Р. Х. был прокуратором в Иудее. Филон умер в 50—60 г. г. по Р. Х. Защищал евреев пред императором Калигулой, подробно описал жизнь секты ессеев, но ни одного слова о Христе мы не встречаем в писаниях Филона. Он жил не в той области, где жил Иисус. Ссылаясь на это, Ренан, описавший жизнь Христа, об‘ясняет этим отсутствие сведений об Иисусе. Наивность этой ссылки — очевидна. Не может быть, чтобы такой крупный общественный деятель, вникавший во все мелочи жизни Палестины, мог не заметить крупнейшее событие, как воскресение из мертвых. Таким образом, самый серьезный источник молчит об Иисусе. Это заставляет нас предполагать, что личность Христа вряд ли существовала.

Иустус Второй источник — описание Иустусом из Тевериады войны евреев с римлянами 66—70 г. г. по Р. Х. В этом описании мы опять не встречаем упоминания о Христе.

Историк Иосиф Флавий Около 74 года Иосиф Флавий описывал ту же войну, что и Иустус. В этом описании тоже нет упоминания об имени Иисуса.

Во второй его работе 94 года „Древности“, где он описывает подробно события последних 100 лет, мы встречаемся там с таким отрывком.

„В это время жил Иисус, муж мудрый, если можно назвать его мужем, так как он был большим чудотворцем и учителем тех, кто радостно принимает истину, и много их, из евреев и язычников, последовали за ним. Это был Христос. Когда Пилат, по наветам наших старейшин, осудил его на крестную казнь — не оставили его те, которые признали его и почитали. — Ибо на третий день он явился к ним живым, как предсказали это пророки, вдохновенные Духом Святым. И до сих пор существует род и название христиан, которые так названы его же именем“.

„История церкви“ епископа Евсевия Эта вставка не вяжется со всей работой Флавия. Разгадку этой вставки мы найдем, когда почитаем „Историю церкви“ епископа Евсевия, составленную во II-ом столетии. В этой истории мы находим письмо Иисуса к монарху Абезару, где Иисус отказывается прибыть к нему,

„ибо я обязан исполнить все, для чего я был послан. И когда исполню это, я поднимусь к пославшему меня.“ и т. д. Письмо можно сказать, необычное. Видно, что фантазия епископа Евсевия поработала во всю. Но еще сильнее распылается его фантазия, когда он помещает фантастическое письмо Пилата императору Тиверию. Вот выдержка из него. Пилату доподлинно было известно, что Иисус „исцелял слепых, очищал прокаженных... воскрешал мертвых... ходил по водам морским“ и т. д. „Поверив им (первосвященникам, книжникам и фарисеям) я отдал *означенного преступника* в их распоряжение“ (?!) .... „Но на третий день он воскрес“.

Надо полагать, что Евсевием, или ему подобными и была сделана указанная вставка в „Древностях“ Флавия, как и другие две вставки об Иакове и Иоанне Крестителе.

К этому времени, когда Евсевий писал свою историю церкви, христианство характеризуется своим исключительным фанатизмом. Сожжение Александрийской библиотеки, исчезновение „Книги Истины“ Келсоса, дали возможность христианам составлять книги, подходящие к верованиям христианской религии.

Талмуд. Еврейские книги, Талмуд, составленные в 400-500 г.г., имеют злостные выдумки, анекдоты про Христа, полные противоречий. На достоверность их никак нельзя полагаться.

Римские источники. В 102 году Плиний Младший написал письмо императору Трояну. Он описывает свою борьбу с христианами, ничего не сообщая о земной жизни Иисуса, говоря, что христиане молятся Христу, как богу.

Около 100 года римский историк Тацит в XV книге 44 главе, описывая пожар Рима во времена Нерона, указывает, что христиан обвиняли в поджоге.

„Это название произошло от Христа, который в правление Тиверия был приговорен к смерти прокуратором Понтием Пилатом... Прежде всего схватили исповедающих эту веру, и, когда они выдали бесчисленное множество товарищей, их уличили не столько в поджоге города, сколько в ненависти к роду человеческому“.

Но является в высшей степени странным, что Тацит в книге 6-ой, описывая подробно времена Тиверия, *ни одним* словом не оговаривается о Христе. Ясно, что в книге 15-ой он упоминает о Христе, как о легенде, или там была сделана вставка, как в „Древностях“ Флавия.

Светоний — последний свидетель в Римской империи, описывая жизнь Клавдия, в одном месте говорит: „Клавдий

изгнал из Рима евреев, которые, по наущению Хрестоса (Христа), постоянно вызывали волнения". Некоторые полагают, что этот Хрестос был учеником Христа. Предположение — более чем маловероятное.

Век „сына легенды", отношение к книгам.

Из приведенных фактов видно, что секта христиан, при той веротерпимости римлян, вследствие которой они в своих храмах соединяли все культы, была исключительно фанатично настроена, если против нее принимались столь суровые меры. Поэтому мы видим, что, когда христианство стало главенствовать, создалась атмосфера сынов легенды, слепо преданных ему и не придававших никакого значения книгам. Запрещение чтения священного писания—неоспоримый факт. Часть книг священного писания была истреблена. Только в 1844 и 1859 годах была найдена лучшая древнейшая копия священного писания, брошенная в корзину монахинями св. Екатерины на Синае. Находка чисто случайная. После сообщенных фактов для нас становится понятным одно место в речах епископа Папия, жившего во II-ом веке: „я не сличаю слов старейшин, что говорил Андрей, что Петр, или Филипп, Фома, Иаков, Иоанн и Матфей, или другой ученик господа нашего, или что говорил Аристон, или Иоанн из старейшин, *ибо мне казалось, что извлеку пользу не столько из книг, сколько из живого и связного слова*".

До IV века христианство было гонимо. Поэтому вполне понятны жалобы Иеронима, что в рукописях царит хаос. С IV века все мифы приводятся в порядок, противоречия и темные места устраняются тем, что запрещается перевод священного писания на народные языки, многие книги сжигаются. В 391 г. епископ Феофил сжигает Александрийскую библиотеку, содержавшую 700.000 свитков; закрываются все философские школы. Христианство остается вне конкуренции, и к этому моменту составляются 4 евангелия прочно и навсегда.

„Деяния Апостольские" относятся, наряду с апокалипсисом Иоанна, ко времени первых веков эры, к разбору их мы и перейдем.

„Послания" и „Деяния апостольские" и „Апокалипсис".

Апостол Петр говорит так: „мы возвестили вам силу и пришествие господа нашего, *не хитросплетенным басням следуя, но бывши очевидцами его величия*". Указывая далее на глас с неба, он говорит, что слышали они его вместе с Христом *на святой горе*. Ничего более определенного, вы от Петра не услышите. Еще больше недоумений возникает, когда вы узнаете, что Петр имеет *пророческое* слово, но не слово *свидетеля*. (II Петра I

19-21). В евангелиях же, составленных 300 лет спустя, вы найдете и неудачное хождение по водам, и троекратное отречение. Точно так же ничего не говорит о земной жизни Христа и апостол Иоанн в своих посланиях. Если бы евангелия соответствовали действительности, то неужели Иоанн, по словам евангелия, якобы, возлежавший на груди Христа, мог бы ни одним словом не обмолвиться *о земной жизни Христа*?

По словам Ренана, в первом столетии было составлено до 12 апокалипсисов. В апокалипсисе, приписываемом Иоанну, мы не находим и понятия о трех лицах бога. Мученики на небе поют „песнь Моисея, раба божия, и песнь агнца". Христос, таким образом, здесь поставлен на одну ступень с Моисеем. Изобилие апокалипсов об'ясняется изобилием сект.

Во всех апокалипсисах чувствуется жажда борьбы и победы молодых революционных партий. В апокалипсисе Иоанна мы замечаем характерную черту: отсутствие женщин на небе. Это показывает нам, что апокалипсис создан в среде секты девственников, не признающих брака. Разорение крестьян, тяжелое положение масс глубоко затрагивают творцов апокалипсиса. Но выход из положения они видят только на том свете. Евангельского всепрощения мы не видим в апокалипсисе. „При снятии пятой печати Иоанн видит под алтарем бога души христианских мучеников... и они громко кричали— доколе, владыка святый, не осудишь и не отомстишь живущим на земле за кровь нашу?" Их попросили подождать, пока не убьют еще больше мучеников. По втором пришествии все верующие войдут *в новый Иерусалим* для жизни вечной. Рай построен *из золота с драгоценными камнями*.

Продолжим наш разбор „деяний апостольских. В евангелии мы ничего не найдем об Антиохии. Деяния апостолов говорят, что *„в Антиохии ученики в первый раз стали называться христианами"*. И вот в столицу Сирии стекаются апостолы: Петр, Павел, Варнава проповедывать „воскресение господа нашего Иисуса Христа из мертвых, умершего за грешников, воскресшего из мертвых для нашего искупления". „Деяния" рисуют довольно ярко несогласие апостолов, как представителей различных сект: „Петр и Варнава не поступали прямо по истине евангельской", жалуется Павел. „Петр ел вместе с язычниками.

Было ли ново в древнем мире то, что проповедывали апостолы?

В Антиохии уже с древнейших времен жила идея о смерти бога и его воскресении. У них был бог Адонис, которого весною разрывал кабан (Адон значит господь). В этот момент верующие плакали,

тело его в виде деревянной статуи торжественно хоронили. Потом вдруг распространялась весть: „господь жив, Адонис воскрес из мертвых!“ Все радовались, устраивая торжественный праздник. Христианский праздник пасха тоже приходится на весну. Могли ли что-нибудь сказать апостолы антиохийцам, и не шли ли апостолы туда, как верующие теперь ходят в Рим?

В Египте торжественно праздновали „воздвижение столба Озириса“. Еще при Моисее зафиксирован обычай евреев „воздвижение медного змия“.

Праздник воскресения бога мы находим и в Греции. Греческий поэт Лукиан рассказывает:

„Я видел в Библосе большой храм Афродиты, где совершаются мистерии в честь Адониса. Рассказывают историю Адониса с кабаном, в память этого раз в год вся страна облекается в траур, совершая мистерии, и с плачем бьет себя в грудь. Когда уже достаточно погоревали, приносят умершего Адониса, и на следующий день об‘являют, что он жив и вынимают его“.

Разбирая изображения на стенах храма Озириса, бога Египта, мы встречаем ясли Озириса, как и в евангелии ясли Христа. В том же Египте имеется место гробницы Озириса, как в Иерусалиме гроб господен.

Характерно описание смерти и воскресение бога Аттиса.

„На третий день первосвященник восклицал:—Аттис возвратился, радуйтесь его воскресению!—*Воздвигнув его из мертвых*, он мазал маслом уста страдающего бога и утешал верующих:—да будет для всех утехой спасение бога, *ибо теперь это вас спасет от ваших страданий*“.

Пророк Езекииль говорит:

„Принес меня дух... в Иерусалим... И с северной стороны, у ворот жертвенника тот Идол Ревности... ...и женщины сидели, оплакивая Адониса“.

Разбирая содержание древних религий, мы встречаемся там и с „троицами“ а) Зеве-Кибела-Аттис, б) Брама-Вишну-Шива, в) бог отец Озирис—бог сын Горус и т. д.

Персидский бог Митра рождается в пещере и ему поклоняются пастухи. Зевс рождается в пещере от богини Рои, и их *преследует* Кронос. Все боги рождаются в пещере Рождества, и во всех религиях праздник Рождества празднуется в конце декабря.

Прикованного бога Прометея ранит в сердце не копьеносец Лонгин, как Иисуса на кресте, а ястреб.

Бог—„дух святый“—изображается в виде голубя, и это тоже было в древних религиях: Зевс превращается в голубя,

говорящего голосом человеческим. Богиня Иштар была голубицей.

Новорожденный божественный младенец и кормление его— обычное явление в религиях востока.

В древней персидской религии был обычай: каждого, достигшего совершеннолетия, погружать в воду и изображать на лбу его знак—крест.

В честь последней вечери бога Митры пред вознесением его на небо существовало таинство причащения: жрец, благословлял хлеб и чашу, произнося священные молитвы.

Интересны об'яснения св. отцов Тертулиана и Августина этих поразительных сходств.

Первый говорит:

„Это диавол подстрекает еретиков *к подражанию (?!)* нашим священным обрядам во время поклонения их ложным богам, это он подстрекает их делать знаки на лбу воинов Метры".

Второй еще лучше вывертывается:

„То, что называется в настоящее время христианской религией, *существовало уже в древности* и сохранилось до того времени, когда воплотился Христос. С тех пор стали называть истинную (?), *уже существовавшую* религию христианскою".

О „крещениях" по „деяниям" и „посланиям".

По деяниям апостольским мы находим массу „крещений": „крещение Иоанново", „крещение духа святого", „крещение Христово," „крещение Моисеево" (Коринф. X). Ходила молва о „крещении Павла". Есть полное основание предполагать, что этих „крещений" было много. И Павел жалуется, что один превозносится пред другим (I Коринф, IV, 6). Наука, на основании твердо установленных данных, рисует широкое этико-религиозное движение, охватившее массы в начале хр. эры и нашедшее свое выражение в ряду сект. Вожди сект, по указанию епископа Папия, не придавали значения закреплению религиозного движения в догматы, а интересовались только „живым словом". Они простые люди, как „рыбаки", качались на волнах многих верований и культов соседних религий. Отсюда понятно, что Матфей, непосредственный „сын века легенды", в своем евангелии не дает никакого изображения земной жизни своего учителя, тогда как он должен был особенно их подробно изобразить. Когда христианство оформилось, как религия, и притом как господствующая, ученик Матфея Марк плетет причудливую ткань земной жизни Иисуса, ссылаясь на Матфея, *как на свидетеля.* А свидетель то как раз почти не дает показаний о земной жизни Христа.

„Не подлежит никакому сомнению, что бог Иисус новозаветных Посланий (и деяний) является лишь видоизменением Озириса, Таммуза, Аттиса, Адониса“ (Немоевский).

Сказания о Будде и евангелие.

Откуда же черпали свое вдохновение творцы евангелий? Иосиф Флавий в своей „Истории еврейской войны“ указывает на чрезвычайно сильное влияние Индии на Палестину, еще задолго до эпохи евангелий. И если мы попробуем сравнить жизнеописание Будды с жизнеописанием Иисуса, то нас поражает огромное их сходство.

Будда решил спуститься на землю, для чего избрал себе „солнечный“ род, среди которого он должен появиться (выбор рода Давида в евангелиях).

Майя видит пророческий сон о рождении от нее Будды, брамины ей истолковывают его (в евангелии архангел Гавриил „благовествует“ деве Марии).

Оба новорожденные получают подарки. Царь Бимбирасса обеспокоен рождением Будды; царь Ирод тоже беспокоится, узнав о рождении Христа.

Будда и Иисус затевают споры с учеными, будучи отроками, и оба исчезают с двенадцатилетнего возраста.

Иисус отыскивает Иоанна, как учителя, Будда ищет Ридрака.

При погружении Иисуса в Иордан, совершаются необычные явления; то же и с Буддой.

Будду, удалившемуся в пустыню на великий пост, смущает нечистая сила; и с Христом повторяется то же.

И тот, и другой ходят по воде и совершают одинаковые чудеса, умирают, воскресают и возносятся на небо.

Откуда взялась идея у христиан открыть свою эру?

Недавно открыт гимн в честь рожденя императора Августа. Содержание его поучительно.

„Тот день—день рождения Августа—преобразил весь мир. Мир погиб бы, если бы в лице новорожденного не блеснуло счастье для всех людей, начало новой жизни. Прошло время, когда люди сожалели, что родились на свет. Этого мужа провидение послало нам и будущим поколениям, как спасителя: он прекратит всякие распри и направит все к величию. Его появление воплотило все надежды отцов, он превзошел всех предшествовавших благодетелей. Невозможно, чтобы появился кто либо величественнее его. Рождение бога благовествуют миру благою вестью. *От его рождения должна возникнуть новая эра*“.

О „Назарете“ „назореях“, Иисусе.

Интересно отметить, между прочим, отсутствие всяких указаний на существование города Назарета в источниках начала эры. Иосиф Флавий, говоря о том, как царь Агриппа насильно стриг длинные волосы членов секты назореев, ни одного слова не говорит о Назарете. Матфей говорит, что Иосиф и Мария постоянно живут в Вифлееме, тогда как у Луки мы читаем, что они живут в Назарете и только путешествуют в Вифлеем.

Разбор слов Иисус и Назорей доказал, что эти два слова однозначущи и до христианской эры означали не собственные имена, а нарицательные, смысл которых—лекарь, спаситель, целитель.

О противоречиях в евангелиях.

Возникшие из подражаний различным источникам евангелия имеют массу противоречий не только между собою, но и в пределах каждого из них в отдельности. Приведем для образца одно из противоречий.

„Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божьими“ (Мат. V, 9).

„Не мир пришел я принести, но меч“ (Мат. X, 34).

Откуда брались слова Иисуса?

Составители евангелий заимствовали много изречений из „посланий“. Павел говорит: „Если терпим, то с ним и царствовать будем, если отречемся, то и он отречется от нас“ (к Тимоф. II, 12) Матфей, „ничто же сумняшеся“, вкладывает эти слова в уста учителю: „А кто отречется от Меня перед людьми, отрекусь от того и я пред отцом моим небесным“ (Мат. X, 33). Таких примеров можно привести очень много.

Много изречений Христа почерпнуто и из ветхого завета.

„Ибо я напоил утомленную душу и накормил всякого жаждущего“ (Иеремия XXXI, 25).

„Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные и Я успокою вас“ (Мат. XI, 28).

У Моисея читаем:

„Кто сказал отцу своему и матери своей: я не знаю вас, а братьям своим—я не знаю о вас и не знаю сыновей своих, те хранят твои слова, и сохранили твой завет! (Второзак. XXXIII, 9).

„Если кто приходит ко мне и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и сестер, и при том и самой души своей, не может быть Моим учеником“ (Лука XIV—26).

Псалом XXXI, 6, читаем: „В руки Твои предаю дух Мой!“ Те же слова говорит Иисус на кресте (XXIII, 46).

„Отче наш“.

Всем известно из евангелий, как Иисус научил молиться своих учеников.

Такого же рода молитву мы находим и в старо-персидской и в других древнейших религиях.

В еврейской религии эта молитва называется „Кадиш“; возникла она в Вавилонии. Вот ее перевод: —„Отче наш, на небесах, будь милостив к нам, господи боже наш, да святится имя твое и да славится воспоминание о тебе высоко на небе и внизу на земле. Да будет царствие твое над нами ныне и всегда. Святые мужи древних времен говорили: прости и помилуй всех людей, что бы ни сделали они против нас. И не введи нас во искушение, но избави нас от зла, ибо твое есть царство и власть во славе всегда и во веки веков“.

Что нам говорит новый завет об общественной жизни раннего христианства

С одной стороны, в книгах нового завета мы находим сочувствие бедным и житье перво-христианских общин на коммунистических началах.

„Когда делаешь ужин... ...зови бедняков, расслабленных, калек; благословен будешь ты, так как им нечем отплатить тебе; но тебе отплатится при воскресении справедливых“ (Лука XIV, 12—14). Бедный Лазарь, по словам евангелия, идет в рай, богатый в ад. „Слушайте меня, любимые мои братья. Разве не выбрал бог бедных на этой земле, которые богаты верой, являются наследниками царства, обещанного возлюбившим его? Вы же оскорбили бедного... Вы упитывали себя на земле, вы отдавались наслаждениям, вы тешили сердце в день убийства (Из посланий Иакова).

С другой стороны, мы видим, что добрый богач войдет в рай, что богатство не есть зло. Вдумываясь в те места, где говорится о коммунистическом житье, находишь, что христианские коммуны далеко не коммунистичны: члены коммуны продают свои имущества и деньги кладут в кассу и придают этим вкладам большое значение.

То место св. писания, где говорится о смерти Анания и жены его Санфиры, утаивших часть денег от коммуны, наводит на размышления. Св. писание не осуждает и ростовщичества, как это видно из притчи о талантах, (деньгах), данных в долг одним господином своим слугам, чтобы последние вернули ему эти деньги с процентами. В посланиях мы находим, что добывание себе пропитания „ежедневной ручной работой“ есть последняя ступень бедственного положения (I Коринф VI, 12).

„В чем же здесь дело?“ Спрашивает Р. Виппер: „необходимо вспомнить насилия империи, жадность римлян, бесконечный,

всепроникающий деспотизм их бюрократии. Такое давление государства с неизбежностью должно было вызвать отпор, желание отбиться, защитить себя от оффициальных вымогательств. Так как кружки, союзы были вообще запрещены—допускались только погребальные товарищества—то, естественно, людям, желавшим спасти свои имущества, оставалось одно: организоваться тайно. В тайной организации, как известно, с неизбежностью развивается очень жестокая дисциплина, вплоть до убийства тех, кто заподозревается в измене.

Конечно, среди христианских сект были организации бедняков, но не они составляли основу христианских общин. Когда еврейская революция кончилась крахом, то мы видим в различных сектах настроение отчаяния и колебания, что и выражается в апокалипсисах того времени. В XVIII главе апокалипсиса Иоанна мы видим картину гибели грешного Вавилона, т. е. Рима: „Купцы мира будут плакать от его разрушения, потому что некому будет покупать их товары“. Это место вполне оправдывает мнение о том, что среди перво-христианских общин, главную роль играли общины финансово-торгового капитала.

Когда еще о христианстве не было слышно, уже образовались сектантские общины и в Греции и во всех других провинциях римского государства. „Можно сказать, что и церковь, и вера были готовы уже до христианства“ (Виппер).

Рожденная в эпоху глубоких социальных и национальных противоречий, в эпоху перелома, христианская религия в писаниях нового завета отразила свой век с его противоречиями. В ней мы видим, как иудейский Мессия обращается в „спасителя“, покровителя всех народов, как „спаситель“, исцеляя ото всех недугов, своими ритмическими, елейными речами утешает угнетенных и нуждающихся бедняков, как в „спасителе“ соединяются два совершенно противоположных идеала: Иисуса, кроткого учителя и Христа—проповедника и великого революционера.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Влияние пролетарской революции на церковь и религиозное сектантство.

Содержание декрета об отделении церкви от государства.

Первым делом рабоче-крестьянского правительства по отношению к церкви было—отделение церкви от государства. Ни одно событие общественного и государственного значения не должно сопровождаться религиозными обрядами. Клятва заменяется торжественным обещанием гражданина без всякой связи с его религиозными убеждениями. Рождение, брак, смерть, как явления общественного значения, должны записываться органами государственной власти. Причина отделения церкви от государства ясна на основании изложенного в предшествующих главах: религия в руках капиталистического государства—орудие борьбы капиталистов против трудящихся.

Пролетарская революция заявила о свободе совести: каждый может веровать, как ему угодно, и совсем не веровать. Прежние ограничения граждан, исповедующих не „господствующую“ религию, как и привилегии верующих православных, отменяются. Исполнение религиозных обрядов свободно, но они не должны мешать общественному порядку и вредить рабоче-крестьянской революции. Каковы бы не были религиозные убеждения гражданина, он должен исполнять гражданские обязанности советской республики.

Наука с ее знаниями и религия с ее верой—несовместимы. Поэтому школа освобождается от церковных цепей. Обучение „закону божию“ может проходить только частным порядком за средства верующих. Каждый храм с его причтом может содержаться только на добровольные взносы верующих. Лишение церкви поддержки государства, национализация ее богатств, в виде домов, заводов и земельных угодий, больно ударили и черное, и белое духовенство.

20000 законоучителей лишилось мест. Церковь лишилась годовой субсидии в 50.000.000 золотых рублей. „Святейший“ синод лишился своего вклада в банках на 70.000.000 рублей 1.872.000 десятин церковной земли и 740.000 десятин монастырской отошли крестьянам, 266 домов и доходных заведений

в Петербурге и 1054—в Москве с 35 гостинницами перешли от церквей и монастырей трудящимся.

Черная и белая рать „божественной силы“ довольно велика.

В 52869 церквах России было:

протоиереев	2912
священников	46750
дьяконов	14670
псаломщиков . . .	43518

В 455 мужских монастырях „спасалось“:

монахов	9987
послушников . . .	9582

В 418 женских монастырях:

монахинь	14008
послушниц. . . .	46811

И вся эта рать оскалила зубы против пролетарской революции под предводительством патриарха Тихона.

„Тихоновщина“. После февральской революции временное правительство с благословения меньшевиков и с.-р., чтобы возместить себя за потерю светского царя, сорганизовало выборы духовного царя патриарха Тихона, при живейшем участии капиталистов и помещиков. Послушаем „умное“ послание патриарха.

„*Смиренный* Тихон, *Божиею милостью патриарх московский и всея России (!)*“ „Вы творите дело поистине сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей—загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей земной“ „Заклинаем и всех вас, верных чад православной церкви Христовой, не вступать *с таковыми извергами* рода человеческого в какое либо общение“.

Так громил 19 января 1918 года патриарх Тихон рабочих и крестьян за октябрьскую революцию: „Властью, данною нам от Бога, анафемствуем вас!“.

Церковный собор вместо звериных слов Тихона обратился к рабочим и крестьянам на ту же тему, прикинувшись кротким голубем:

„Господи Боже, Спасителю наш! К тебе припадаем с сокрушенным сердцем и исповедуем грехи и беззакония наша“, начинают они свое послание. „О распявших Ты моливыйся, милосердие Господи, и рабом Твоим о вразех молитися повелевый, ненавидящих и обидящих нас прости, не воздаждь им, Господи, по делам их и по лукавству начинания их“. Так кончают „кроткие голуби“ свое послание.

В феврале, во время германского нашествия, Тихон „по откровению свыше“ разрешился новым посланием. Именуется он тут помягче: „волею Божией патриархом Московским и всея Руси“ По отношению к буржуям, желавшим прихода германцев и в Россию, он кидает мягкие слова: *исстрадавшие* сыны родины нашей готовы даже малодушно кинуться в об'ятия врагов ее, дабы искать среди них и под их властью успокоения жизни общественной, прекращения ее ужасов“. Насколько он здесь милостивей к буржуям, чем пролетариям „извергам рода человеческого“!

В этом послании он обращается к рабочим и крестьянам:

„Первее всего—прекратите взаимные распри и междоусобную брань . . . Остановивши злобу и вражду взаимную, возлюбите кийждо ближнего своего: богатые, кормите и одевайте нищих, бедные и убогие, не злобствуйте на имеющих достаток, не ожесточайте сердец ваших, не кляните жребия своего и довольны будете оброки вашими“. Как ярко, помимо воли Тихона, сказывается классовая сущность церкви в этом послании! Как страстно желает Тихон, чтобы „враг сильнейший“ пленил города пролетарской республики и привел Россию к возрождению „возможному только под сенью святой церкви православной, под мощной защитой оружия веры Христовой“.

Отделение церкви от государства на Украине.

Ни центральная мелко-буржуазная рада, ни Скоропадский, ни Петлюра, как и следовало ожидать, не отделили церкви от государства: им нужна была религия, как орудие затемнения. 22 января 1919 года Советская Власть на Украине издала декрет об отделении церкви от государства. Но проведение его в жизнь затормозилось нашествием деникинцев. За освобождение от большевиков церковь отдала „доблестной добровольческой армии“ одну десятую всего своего имущества. С 31 мая 1921 года ликвидационный отдел Народного Комиссариата Юстиции начал энергично проводить в жизнь отделение церкви от государства. Как в России, так и на Украине открытие мощей прошло успешно с той особенностью, что, при отобрании ценностей для голодающих, исследованы были частицы мощей после освобождения их от золота. Они оказались соединением воска и ладана.

Раскол церкви в России и под'ем антирелигиозной волны среди рабочих и крестьян.

В 1921 году и начале 1922 года Р. С. Ф. С. Р. попала в тиски голода. Рабочие и крестьяне напрягали все усилия, чтобы вырваться из его костлявой руки. Тихону на голод рабочих и крестьян наплевать! Когда в начале 1921 года была поведена кампания

по из'ятию ценностей, Тихон снова ополчился против „извергов рода человеческого“. В этом отношении обнаружилось полное родство Тихона с сотней черных воронов, архиепископов, епископов, архимандритов и черносотенцев, вроде Маркова II-го, слетевшихся в декабре 1921 года в Карловицах. Надеясь, что голод задушит пролетарскую революцию, они служили молебны за здравие романовского дома и составляли план восстановления царского трона в России. Но не сбылись мечтания черных врагов России. Перебрасывая продовольствие в голодные места, собрав с церквей:

золота до	20	п.
серебра	17000	„
жемчуга	1½	„
бриллиантов . . .	180	ш.
драгоцен. камней	1163	„

пролетарская Россия победила голод!

Более дальновидная часть духовенства учла, что „тихоновщина“ с особой наглядностью проявляет религию, как орудие классовой борьбы буржуазии против пролетарской революции. Более передовая часть московского духовенства послала Тихону делегацию, которая указала ему: а) на недопустимость анафемы 19 января 1918 года (поздненько схватились); б) на контр-революционность февральского послания в 1918 году о сокрытии церковного имущества и призыве набатным звоном к сопротивлению советской власти, что вызвало 1414 кровавых столкновений; в) на то, что он назначал на посты епископов ярых черносотенцев; г) что Тихон, вообще своей политикой показал, как он пользуясь церковью для классовой борьбы, руководил контр-революционными выступлениями.

Тихон после некоторого размышления отказался от управления, передавши всю власть Высшему Церковному Управлению, куда вошли представители от передовой части духовенства.

Это было 12 мая 1922 года. С этого времени в церкви ясно обнаружился раскол. Образовалось два течения: „тихоновцы“ и „живая церковь“. Повсюду мы видим, как начинают смещать с епископских постов сторонников Тихона. Движение „живой церкви“ растет и ширится. В августе 1922 года прошел всероссийский с'езд представителей „живой церкви“, принявший весьма существенные постановления.

На этом с'езде заявлялось, что вся вина в контр-революционной деятельности церкви лежит на монашестве, которое, захватив церковное управление в свои руки, связалось крепкими узами с царизмом и обратило церковь в политический орган, работающий по указке помещиков и капиталистов.

Представители „живой церкви“ не видели или притворялись, что не видят ошибки в своих суждениях. Корень зла, конечно, не в одних монахах, а в том, что церковь владеет капиталами, что религия и церковь *всегда* будут итти против пролетарской революции.

На указанном с‘езде раз навсегда разделались с привилегиями монахов. С‘езд постановил немедленно провести через В. Ц. У. следующие меры:

1) женатым священникам открыть путь к епископскому сану;

2) разрешить монашествующим, по снятии с себя ангельского чина, жениться и оставаться в прежнем сане: диакона, священника или епископа;

3) разрешить вдовцам священникам жениться во второй раз.

Большое политическое значение имело постановление с‘езда ходатайствовать перед церковным собором: о принятии в лоно „святой церкви“ отлученного когда-то Льва Толстого; об отлучении от церкви членов Карловицкого собора. Поговаривали даже об отлучении патриарха Тихона. Вообще с‘езд имел тенденцию к исключению из церкви всех, ведших контр-революционную линию.

На с‘езде выявилось лойяльное и даже „сочувственное“ отношение к Советской власти.

Священник Альбинский заявил: „По вине ученых монахов, у нас после военных фронтов образовался и церковный фронт, на котором также пролилась кровь“.

Нижегородский епископ Евдоким говорит; „церковному обновлению мешала не Советская власть, а церковная, в лице патриарха Тихона и таких его помощников, как архиепископ Никандр, благодаря чему, к стыду церкви и пролилась кровь“.

В воззвании, принятом на с‘езде „живой церкви“, проводятся те же мысли: „наша православная церковь с утверждением в России самодержавия, стала главной его опорой и, постепенно утрачивая свой чистый духовный облик, в конце концов, служила не столько религиозным, сколько политическим целям, превратившись, особенно в лице высшей монашествующей иерархии в прислужницу и рабу царской власти“.

„Живая церковь“ устами своего представителя епископа Евдокима смело идет к критике *даже* капиталистического строя. В своем послании он говорит:

„Проходили века... Все шло вперед... И только одна царская самодержавная Россия оставалась такой, какой была... Попрежнему изнывал и стонал долготерпеливый русский народ в кабале“....

Переходя к февральской революции, *он и ее разносит*:

„Могучим ударом в дни февраля народ сокрушил царский трон. Золотую корону сорвал с того, кто в течение долгих веков был его тираном......... но радость была преждевременна. Кучка людей, именующих себя поборниками народных прав, но по существу те же *богатеи и баловни судьбы,* захватила власть в стране в свои руки.... Они хотели захлестнуть народ новой петлей и хотели сделать его прежним рабом“.

Зато, как же епископ Евдоким преклоняется перед пролетарской революцией.

„Но свободный народ, купивший кровью своей освобождение и познавший свободу, не захотел быть больше рабом. В дни октября могучим толчком он отшвырнул от себя людей, продавших его.....

Великий русский народ! Мое сердце, мой разум, моя совесть повелительно приказывают мне благословить день твоего освобождения, и *я его благословляю*.... Да будут же благословенны дни октября, разбившие рабские узы и даровавшие народу истинную свободу“...

Обращаясь к „пастырям“, епископ Евдоким вразумляет:

„Скажите всем, что если мы сейчас в чем нибудь терпим нужду, то *не по вине Советской власти,* а за безумные разгулы, дармоедство и беззаботность прежних вершителей судеб темного прошлого“....

Естествоиспытатели открыли закон мимикрии, по которому животныя, приспособляясь к окружающей среде принимают соответствующую окраску. Закон мимикрии оказывается действительным и в общественной жизни. Духовенство, почувствовав крепость пролетарской революции, начало к ней приспособляться, принимая в тон красному цвету революции— елейно-розовый. Пример такого приспособления дает нам и Великая Французская Революция. Выводы для рабочих и крестьян ясны: чем незаметнее враг, тем он опаснее; поэтому нужно как можно меньше поддаваться притворному ложно-революционному тону живой церкви, которая хочет, присосавшись к пролетарской революции, одурить рабочих и крестьян. Недаром нэпманы горой стоят за „живую церковь“. А „живая церковь“ уже спешит признать необходимость всемирного об'единения трудящихся“ в противовес капитализму, этому худшему виду безбожия“. К церковной власти должны быть приближены миряне труженики, а отнюдь не „эксплоататоры“ и угнетатели других. Даже Львов, бывший обер-прокурор берет „интернациональную ноту!“

„Идеал интернационала—христианский идеал. Идеал социализма—христианский идеал. Идеал коммунизма—христианский идеал“. Христианский идеал, лозунги равенства и братства французской революции и коммунистический интернационал *тождественны (?!)* по своим целям и конкретной работе на благо человечества“.

Каковы перспективы возникшего церковного движения? Раскол будет продолжаться, будут выделяться левые группы. Дойдут до того, что Иисуса будут считать только за человека, хотя и величайшего. Будут реформировать церковь, освобождая ее от диких обрядов средневековья. Дойдут, может быть, и до того, что соглашаясь с наукой, будут отрицать существование в истории человека Иисуса, цепляясь за туманный, неопределенный христианский идеал. Строясь по пролетарской революции, церковь неминуемо придет к дальнейшим расколам и неминуемой гибели.

Жизнь уже начала подтверждать этот вывод. Многие миряне недовольны „живой церковью“, упрекая ее, что она не отделилась от „мощевых дел мастеров“, от „крестных ходов, хождений с иконами, кроплений, дуновений, плюновений и т. д.“. Указывают на необходимость пересмотра на церковном соборе учения о таинствах и сокращения их числа.

Почти вслед за августовским с‘ездом образовалась, в противовес живой церкви, группа „Церковное Возрождение“ под руководством епископа Антонина. Эта группа высказывается против ярко выраженной сословности живой церкви, против диктатуры белого духовенства, за демократизм, за оздоровление и одухотворение культа. Кропило, кадило и требник должны отойти на второй план“. В октябре образовалась новая группа — „Древне-апостольская церковь“, правда, вскоре соединившаяся с группой епископа Антонина.

Появляются единичные случаи отречения от религии священников, как, например, священник Николаевский Запорожской губернии, Токмакского уезда, села Пошляны. Все это ласточки, вестники весны освобождения от религии, которая *„есть обман, облепленный золотом“*, по слову бывшего священника Николаевского.

В заключение по вопросу о церковном расколе в России необходимо указать на Всероссийский церковный собор в мае 1923 года. На собор прибыло около 200 человек, из них группа „живая церковь“—116 человек, „союза общин древне-апостольской церкви“—10, от „свободной трудовой церкви“ —66 человек.

Этот собор решительно отмежевался от контр-революционных элементов церкви. По вопросу об отношении к Советской власти собор определенно заявляет: „с‘езд признает Советскую власть“, он шлет ей „свой горячий привет“, и „верит в конечную победу этой власти во всем мире“. С‘езд готов „активно выступить на защиту завоеваний трудового народа“. Обсудив контр-революционную деятельность патриарха Тихона, собор постановил: *„считать патриарха Тихона отступником от подлинных заветов Христа и предателем церкви и на основании церковных канонов сим об‘являет его лишенным сана и монашества и возвращенным в первобытное мирянское положение. Отныне патриарх Тихон—мирянин Василий Белавин“*. Точно также собор поступил и по отношению ко всем участникам упомянутого нами Карловицкого собора.

Собор признает: белый епископат (священник, не переходя в монахи, и не разводясь с женой, может быть епископом), второбрачие священников; далее с‘езд отмечает, что махинации с мощами и обманы недопустимы. Осуждая современный уклад монашеской жизни, предлагает превратить монастыри „в союз трудовых общин, удаленных от городов, причем жизнь монахов должна строиться на началах свободы труда, равенства и братства“. Небольшая, но характерная мелочь—собор ввел новый стиль.

Закончился с‘езд „молебствием“, на котором была применена новая форма „многолетия“: —„Стране российской и правительству ее, устрояющему судьбы народа по правилам труда и общего благополучия, многая лета!“

В связи с судебным процессом бывшего патриарха Тихона, очень важно отметить его заявление, в котором он, оправдываясь тем, что воспитание им получено в монархической среде, признает себя виновным в контр-революционной деятельности: *„я действительно был настроен к Советской власти враждебно“*. Перечисляя далее все свои контр-революционные дела, о которых мы уже сообщали, он раскаивается „в своих поступках против государства“. Оканчивает он свое заявление крайне знаменательно: *„я отныне Советской власти не враг, я окончательно и решительно отмежевываюсь, как от зарубежной, так и внутренней монархической белогвардейской контр-революции (июнь 1923 г).*

Таким образом, даже этот заядлый контр-революционер отрицает свою враждебность к Советской власти. Так или иначе, но Тихон и многие другие показали свою страстную ненависть и безграничную злобу к власти рабочих и крестьян, трудящиеся массы прозрели и, отвернувшись от них, испугали

более догадливых, которые сразу перекрасились в революционный цвет. Но наиболее сознательную часть они не поймали на удочку, *и конец 1922 года, 1923 год характеризуются под'емом антирелигиозной волны среди рабочих и крестьян.* Эту волну мы наблюдаем и в больших городах, и в захолустных местечках, далеких от промышленных центров. Показательно движение в крупных промышленных центрах среди рабочих Донбасса, Московской губернии, Питерской и многих других. Особенно характерен случай в Харькове с евреями—рабочими, которые в июне 1923 года закрыли синагогу и вместо нее основали рабочий клуб. *Это показывает нам, что для рабочих, какой бы нации они не были, религия, какая бы она ни была, (православная ли, магометанская ли, иудейская ли и т. д.),— все равно,—является громадным злом, тяжкими цепями духовного порабощения.*

Для иллюстрации антирелигиозной волны в захолустных местах, приведу первые попавшиеся под руку случаи: по Баскунчакской ж.-д. ветке на двух станциях „Владимирская пристань“ и „Эльтонская“ рабочие постановили:—„церковь *за ненадобностью* закрыть, а в ее помещении открыть народный дом“. Во время антирелигиозной пропаганды на Пасхе, крестьяне села Маньковки, Уманского уезда, Киевской губернии на сходе (400 человек) постановили „пасхальных обрядов не выполнять“.

Церковный раскол на Украине.

С мая 1921 года мы видим на Украине сильное движение автокефальной, стоящей за полную независимость от русской иерархии, церковь. Самостийность и петлюровщина—основная сущность автокефализма. Это ярко проявилось в мае на киевском с'езде. Они добивались того, чтобы *все* храмы были украинизированы, чтобы были образованы постоянные средние, низшие и высшие церковные школы; пытались просить у Всеиздата книги богословского содержания; добивались разрешения „для своих нужд церковным советам делать записи рождений, браков и смертей“, просили в свое ведение свечной завод. Автокефальная церковь осчастливлена тем, что на лоно ее вернулся „заблудший сын“, бывший с.-д. В. Чеховской, председательствовавший на октябрьском ее с'езде (лишний пример, показывающий вырождение социал-соглашательства!).

В середине 1921 года русской церковью было организовано свое течение тихоновцев во главе с епископом Михаилом. В феврале 1922 года он обратился с воззванием о сдаче „божьих церковных ценностей“, которое не очень-то сильно подействовало на верующих. Кое-где они оказали сопротивление.

Как в той, так и в другой церкви произошел раскол. Раскол в русской церкви по Харьковской губернии начался войной Лебединского священника Смирнова, который, несмотря на отлучение его епископом Нафанаилом, остался в соборе и склонил весь Лебединский уезд в сторону „живой церкви". В июле м-це епископ Нафанаил был удален на покой.

В автокефальной церкви тоже возникает своя „живая церковъ". Ярким выразителем передовой части украинского духовенства является священник Задорожный. Он возражает против слов „раб божий", „господь", ибо теперь не должно быть рабства и эксплоатации; считает лишним упоминание о сатане; предлагает чтить пролетарские праздники, как 1 мая. Он же потребовал, чтобы вновь избранный на с'езде епископ рассказал свою биографию. Это был вызов епископам из богатых. Задорожный на с'езде еще не был силен. Поэтому большинство его вопросов провалили.

Евангелисты, баптисты и трудовое сектантство.

В 1906 году, когда свирепствовала реакция, баптисты выпустили в маленькой брошюре оффициальное изложение своего учения; то же сделали и евангелисты, выпустив в свет книжку: „Вероучение евангельских христиан". Факт этот, при беспощадной цензуре царских держиморд того времени, достаточно убедительно говорит сам за себя. При их буржуазном взгляде на семью, они вполне безобидными овечками выступали пред царским правительством, неся народу ядовитую проповедь непротивления злу.

„Если же делаешь зло, бойся, ибо он, начальник, не напрасно носит меч, он *Божий* слуга, *отмститель* и наказание делающему злое... И потому надо повиноваться не только из страха наказания, *но и по совести*. Для сего и подати платите, ибо они *Божии* служители сим самым постоянно занятые. Итак, отдавайте всякому должное, кому подать—подать, кому оброк—оброк, кому страх—страх, кому честь—честь... Мы признаем воинскую повинность, как оброк, *но имеем общение с теми*, кто иначе мыслит в этом вопросе".

„Мы признаем себя обязанными оказывать безусловное повиновение всем его (правительства) законам, если только они не ограничивают свободного исполнения обязанностей нашей христианской веры".

„Мы веруем, что правительство не напрасно носит меч, но имеет право и обязанность *употреблять его против делающих злое, в защиту обижаемых*, а потому мы считаем себя обязанными, когда потребует нас к тому начальство, *нести повинности военной службы*".

Баптисты и евангелисты считали своею обязанностью итти на защиту помещиков и буржуазии, и только немногие из них не делали этого, за то и терпели тюремное заключение и ссылку.

Как же *теперь* они ставят вопрос о защите *пролетарской революции?*

Украинский Об'единенный Совет общин и групп баптистов и евангельских христиан ставит своею целью „исходатайствование у правительства освобождения их членов от воинской повинности". Это было в момент борьбы рабочих и крестьян против капитала!

§ 25. „В отношении воинской повинности Союз стоит на основании учения Иисуса Христа. Возлюби... ближнего твоего, как самого себя". „Союз верит, что, когда дух Христа, учившего *о любви к врагам*, проникнет в сознание людей, тогда милость и истина встретятся, правда и мир облобызаются".

Еще „принципиальнее" и *возвышеннее* ведет себя Об'единенный Совет общин, когда защищает состоятельных малеванцев Киевской губ., отказавших внести продналог.

За елейными тихими словами любви у баптистов и евангелистов скрывается ненависть к рабочим и крестьянам и горячая преданность интересам буржуазии. Вот какова сущность высокой и полной, как-будто, особой святостью религии баптизма и евангельских христиан.

Даже самые лучшие секты, так называемого трудового сектантства, замуровались в узеньких ящиках самоусовершенствования и знать не хотят, что кругом них делается. Революционные во времена царской России секты замкнулись в себя. Тогда это, может быть, и можно было оправдывать. Но теперь не время замыкаться в себя, ибо пролетарская революция поможет выйти сектам на путь мирного строительства. В 1921 году проходил интересный с'езд сект „Новый Израиль" на Кубани. Уже самое название говорит, что эта секта носит знамя давно-давно прошедшего, хотя она и одобряет земельную политику Советской власти и готова строить коммуны, готова бороться против суеверий, фанатизма и обмана.

Когда пред трудовыми сектантскими коммунами ставят вопрос, с кем вы идете,—они вам отвечают про какой-то *всемирный „духовный" интернационал,* ни одним словом не обмолвясь о коммунистическом интернационале. Это весьма характерно для них.

Отношение рабочего и крестьянина ко всем этим сектам должно быть критическим, ибо за всей елейной незлобивостью их учений скрывается *в лучшем случае* недоверие к пролетар-

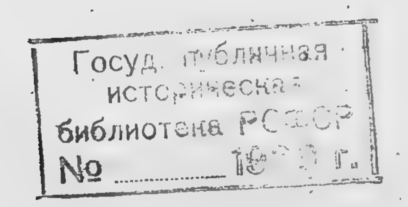
ской революции и ее непонимание, которое, конечно в быстром потоке революционных событий выветрится, и трудовое сектантство окончательно сбросит с себя остаток ветхих старых религиозных мечтаний, и, без всяких „елейных словес", открыто пойдет под знаменами Коминтерна к счастью и свободе трудящихся всего мира. А пока, пользуясь их надеждами на так называемый христианский коммунизм, в их ряды пролезают волки в овечьих шкурах,—вот почему рабочие и крестьяне должны критически относиться *ко всем* сектам христианского коммунизма.

* * *

Заключение. Во всей этой книжке мы проследили, как возникла религия и как она развивалась. Мы доказали, что религия, вера в бога созданы самими людьми. За все время своего существования религия была и есть орудие борьбы богатых тунеядцев против трудящихся; она есть опиум, яд, усыпляющий и отравляющий сознание трудящихся. Вот почему пролетарская революция об'являет всякой религии беспощадную борьбу.

Когда наука и религия ведут борьбу друг с другом, развивая свои взгляды на устройство и происхождение мира, на нравственность, мы видим, как знание шаг за шагом отвоевывает позиции у слепой, наивной веры, расшатывая самые основы религии. Кроме того, наука блестяще развенчала легенду о Христе.

Пролетарская революция ведет борьбу не только за экономическое освобождение рабочих, но и за их освобождение от цепей старой, насквозь прогнившей, религии, и эту задачу пролетарская революция выполнит и доведет свою борьбу с религией до конца.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Fr. 50

